

К. А. ТАКЕР

СУДЬБА
ГНЕВА
И
ПЛАМЕНИ

18+

К. А. Такер
Судьба гнева и пламени
Серия «Судьба и пламя», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620258

К. А. Такер. Судьба гнева и пламени: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-146213-0

Аннотация

Ромерия – талантливый вор. Но украсть магический камень из святого сада Ислора – задача совсем другого уровня. Если она попадется, то ее тут же приговорят к смертной казни. Задачу усложняет то, что сделать это предстоит в теле принцессы, помолвленной с наследным принцем...

Ее суженый, недавно коронованный король Зандер, ненавидит Ромерию каждой частицей своего существа. К счастью для нее, ему выгоднее держать ее живой, чем убить. Зандер предоставляет ей выбор: жизнь в тюремной камере или опасное приключение.

Ромерии не остается другого выхода – теперь ей предстоит сыграть роль влюбленной невесты, пока не подвернется возможности для побега. Пытаясь обмануть короля, она неожиданно сближается с ним.

От выбора между любовью и правдой будет зависеть не только ее жизнь, но и жизни всех, кто ей дорог.

Содержание

Авторская заметка	5
Пролог	7
1	26
2	53
3	64
4	79
5	96
6	100
7	118
8	137
9	159
10	161
11	181
Конец ознакомительного фрагмента.	189

К. А. Такер

Судьба гнева и пламени

К. А. Tucker

FATE OF WRATH & FLAME

Печатается с разрешения автора и Donaghy Literary Group

© 2021 by К. А. Tucker

© Серегина Ю., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Полу, за заботу о том, «что же у нас на ужин?»
в течение последних трех месяцев*

Авторская заметка

Я опубликовала свою первую книгу десять лет назад, в мае 2011 года. Это было подростковое фэнтези под названием «Анафема», первая книга в цикле. Спустя несколько лет я переключилась на написание современных романов и саспенса (*два жанра, которые я так люблю*), но подсознательно я всегда знала, что вернусь в фантастический мир.

В 2015 году я начала сочинять новую фэнтези-историю. Каждый год я открывала этот файл, добавляла немножко и гадала: а вдруг именно в этом году я действительно напишу эту историю. Но время всегда было неподходящим.

Потом наступил 2020 год, который плавно перетек в 2021, и эта книга стала моим побегом от реальности, где нам не разрешалось никуда выходить. Те, кто читал «Анафему», заметят несколько вещей, вырванных из этой истории: много магии и построение мира, Судьбы, нелюдей и даже некоторые имена. В первой сцене присутствуют буквальные заимствования и вставки. Я хотела взять образы, которые мне нравились, из того мира и посмотреть, что мне удастся с ними сделать. Однако на этом сходство заканчивается.

Новая история идет *совсем* по другому пути. Для тех, кто не читал «Анафему», – я удалила эту серию с торговых площадок. С тех пор мои писательские навыки значительно усовершенствовались.

Я не могла придумать лучшего способа отметить десятилетие публикации своих романов, чем выпуск «Судьбы гнева и пламени». Эта взрослая (не подростковая, *хотя я не думаю, что в ней есть что-то слишком скандальное*) история – страстное увлечение и невероятное путешествие для меня, и я надеюсь, вам понравилось читать ее так же, как мне ее писать.

Пролог

1739 год

– Я должна умереть. Пора.

Нежные руки Софи скользнули вверх по груди Элайджи, а затем ему за шею.

– Но если ты ошибаешься... – Он оказался не в силах закончить предложение, и его голос оборвался.

– Я *не* ошибаюсь! – отрезала она. Эта медноволосая фурия всегда была вспыльчивой.

Элайджа отстранился и встал у ближайшего окна, чтобы понаблюдать за бурлящей ночной жизнью за стенами замка. Он редко завидовал простолюдинам. Однако сегодня вечером, когда он смотрел, как конные экипажи катят по мощеным улицам, развозя пассажиров домой после легкомысленных празднеств и избытка выпитого пива, чтобы они могли безрассудно возлечь со своими возлюбленными, его челюсть сжалась от обиды. Почему его проблемы не могут быть такими же банальными?

На короткое время Элайджа обратил свой взор на площадь, где все еще тлели костры под обугленными останками трех женщин. Это была самая масштабная казнь в окру-

ге, пламя, разожженное епископом в его горячем стремлении спасти человечество от колдовства. На этот раз в качестве доказательства вины этих женщин церковь привела чуму полевков, уничтоживших урожай года. В следующий раз они найдут доказательство злой руки Сатаны в заразе, что похищает детей, или в наводнении, которое затопит урожай.

В этом было больше правды, чем предполагал дородный епископ. Но Элайджа знал, что церковь двигало не столько искоренение причины зла, сколько стремление сохранить власть, в то время как возводился новый храм.

И это безумие распространялось.

Как граф Монтегард, Элайджа имел лишь ограниченное влияние на церковь. Тем не менее он мог бы остановить сегодняшнюю резню. Мог проскользнуть в зияющие тени резиденции епископа и свернуть шею этому ханжескому придурку, возглавлявшему атаку. Но его безвременная кончина только подстегнула бы интерес и воодушевила массы. Другой быстро взойдет на его место, еще больше женщин погибнет на огненном ложе, и вскоре внимание обратится на эти каменные стены и особую знать, что прибыла ночью, дабы заявить о себе.

А дальше слухи о ереси и зле не заставят себя ждать. Это был лишь вопрос времени, когда у ворот собралась бы взбешенная толпа с вилами и мечами, а Элайджа и Софи были бы вынуждены бежать, точно крысы, чтобы начать все сначала в другом месте.

Он хорошо знал, как все должно произойти. Он не единожды проживал это в той или иной форме. И так, Элайджа лениво сидел в своем уютном замке и слушал крики горящих женщин.

Софи скользнула к нему сбоку и пальцем убрала выбившуюся прядь волос с его лба.

– Я не могу больше жить вот так, прячась в тени и ожидая верной гибели.

– Не беспокойся об этих фанатиках, любовь моя.

– Адель не волновалась, и посмотри, что с ней случилось, – мрачно напомнила она ему о своей самой близкой подруге, переехавшей в Лондон, рядом с обгоревшим трупом которой Софи плакала прошлой весной.

Впрочем, ему не нужно было напоминать. Той ночью, охваченная необузданной яростью, Софи разрушила целое аббатство, виновное в смерти Адель, включая его обитателей, одним движением руки. За все годы своего пребывания на этой земле Элайджа никогда не видел подобной силы. Это казалось одновременно и невероятным, и пугающим.

Дабы слишком много свидетелей не подтвердило причастность Софи к резне, он был вынужден немедленно вывезти оттуда ее изнуренное тело. Однако последние сообщения, полученные из-за границы, вызывали тревогу. Гильдия Заклинателей знала, что за резней стоит Софи, и требовала сурового наказания за ее подстрекательство к мятежу.

Тем временем люди охотились за ведьмой с волосами цве-

та дьявольского пламени. Уже четыре жертвы, соответствовавшие этому описанию, погибли за ее преступление.

Элайджа не мог винить Софи за то, что она отомстила за гибель Адель. Они росли вместе, еще девчонками бегали по узким улочкам Парижа в перерыве между уроками, а в юношестве ночами напролет танцевали на площадях, очаровывая мужчин своей соблазнительной красотой и неукротимым нравом. Сердце Софи было пылким, а ее верность – вечной. К сожалению, когда ее ранили, она отдалась эмоциям, поглотившим потребность в самосохранении.

Элайджа вздохнул.

– Адель была неосторожна. Кроме того, я никогда не позволю причинить тебе вред.

– А что со временем? Его ты тоже остановишь? – Софи знала, куда ударить, чтобы причинить самую острую боль. – Безумие взывает ко мне даже сейчас, в этот самый момент. Не знаю, сколько еще я смогу не отвечать на его зов.

Элайджа вздрогнул, опустив взгляд на величественный дуб, растущий в саду во дворе, – его уже тронуло дыхание осени, и скудный ветерок шелестел золотыми листьями. В воздухе уже чувствовался ледяной поцелуй зимы. Она прибудет через две недели, лишит дерево красоты, а земле принесет покой. Софи презирала этот долгий и унылый период, но Элайджа находил некое утешение в видимом течении времени.

Под этим лиственным навесом должно было быть место

погребения Софи, если их судьба не изменится, хотя Элайджа предпочитал склеп под часовней, где ему удалось бы лучше охранять ее останки.

Проживет ли она до первого снегопада?

Элайджа находил непостижимым то, что эта женщина, которой не исполнилось и тридцати лет, с сияющим молодым лицом и юношеским задором, текущим по венам, скоро выскользнет из его рук. Однако он знал, что безумие, о котором она говорила, было правдой. Много лет назад Элайджа видел, как оно овладело другой такой же, как она, оставив лишь пустую бормочущую оболочку могущественного элементаля, коим она когда-то была, с белыми, как мел, редкими волосами, стеклянным взором и неспособностью творить магию. Она провела свои дни как узница Гильдии, выкрикивая бессмысленные фразы, которые летописцы называли пророчествами.

Хотя он и не желал этого признавать, Элайджа уже начал замечать в Софи тревожные признаки: апатичные взгляды, перепады настроения, бессвязные заклинания, непреднамеренно срывавшиеся с ее языка. Он не мог вынести того, что Софи превращалась лишь в тень той яркой женщины, которую он обожал.

Конечно, она не позволит этому случиться.

Какой-то мужчина, спотыкаясь, вывалился из таверны и пьяной кучей рухнул на землю прямо на пути двух ломовых лошадей. Глаза Элайджи расширились: мысль о том, что он

увидит, как кого-то затопчут до смерти, подняла ему настроение. По крайней мере, сегодня проблемы этого человека могли посоперничать с его собственными. Элайджа в предвкушении схватился за каменный выступ, наблюдая, как лошади плетутся к обмякшему телу человека, за несколько секунд до того, как раздавят его голову, точно спелую дыню. В последний момент двое мужчин схватили пьяницу за пятки и потащили в безопасное место. А лошади галопом умчались в ночь.

Да будут прокляты эти чертовы добрые самаритяне.

Элайджа осматривал улицы в поисках другого человека, попавшего в более тяжелое положение, чем его собственное, зная, что шансы невелики. Его внимание остановилось на молодой паре посреди любовной ссоры, которая быстро переросла от криков и яростных жестов к стремительному удару коленом в пах мужчины. Растущая толпа зрителей разразилась смехом, когда молодой человек согнулся, корчась от боли. Несмотря на свое горькое настроение, Элайджа усмехнулся.

Впрочем, Софи это не остановило.

– Малакай ответил мне, и мы должны действовать быстро. Ты слишком долго откладывал.

– Когда Гильдия узнает, они убьют нас из принципа, – предупредил Элайджа, как и много раз до этого. Представители Гильдии запретили такие опасные вызовы по уважительной причине – из-за соглашения, которое привело к миру после

столетий войны между Заклинателями и Нетленными.

– Что сделано – то сделано. – На ее лице читалась мрачная уверенность. – *Если* они узнают, то смогут наказать меня. Однако, если мы этого не сделаем, я в любом случае погибну.

– А вскоре после этого и я.

Его глаза снова метнулись к земле под дубом. Если любимая ошибалась, к утру могильщик вырыл бы в этой земле две ямы, ведь без Софи Элайдже не было смысла жить.

Но он еще не готов был попроситься.

– Еще один закат.

При условии, что безумие, прячущееся за этими изумрудными глазами, не одолеет раньше.

Софи ответила не сразу. Но, когда это произошло, ее голос прозвучал резко, будто взмах идеально заточенного лезвия.

– Что ж, отлично.

Шелковые слои ее вечернего платья зашуршали, когда она направилась к двери. Но прежде, чем Софи успела добраться до нее, Элайджа оказался в другом конце комнаты и рукой преградил ей выход.

– Ты не сможешь потребовать это ни от кого другого.

Она прекрасно знала это, и все же ее изумрудные глаза сверкали неповиновением, и Элайджа боялся, что она поступит опрометчиво.

Софи решительно вздернула подбородок.

– Тогда ты должен мне доверять.

– Я не доверяю *не тебе*. – Он никак не мог избавиться от ужасного предчувствия. – Разве когда-нибудь Малакай даровал кому-либо желаемое, не требуя взамен *всего*? – Из всех Судеб Судьба Огня был известен не своим состраданием, но безжалостностью и гордыней. Так было всегда.

И все-таки Софи решила, что *он* должен умолять.

Элайджа пришел в ярость, когда она впервые рассказала, что связала себя узами рабства с Малакаем.

Это невозможно было отменить.

– Но я избранная. Пламя Малакая течет в *моих* венах.

Элайджа вздохнул, его терпение висело на волоске. Софи была молода и высокомерна, ее вера в тех, кто даровал ей огромную силу, оставалась непоколебимой. Она еще не ощутила их гнев.

Софи провела кончиками пальцев по очертаниям его подбородка, словно призывая встретиться с ней взглядом.

– Если мы будем сидеть сложа руки, то меня скоро не станет. Лучше я умру сегодня вечером, чем потеряю контроль над этим миром завтра. Но *я не умру*. И ты *не умрешь*. В этом меня уверил Малакай, – настаивала она, улыбаясь Элайдже. – И мы справимся с любыми последствиями, которые могут возникнуть. *Вместе*.

Она излучала такую уверенность. Элайджа отчаянно хотел ей поверить. Существовала причина, по которой ее и почитали, и проклинали в Гильдии, – способности Софи не имели себе равных в этом мире.

И хотя эти силы в конце концов ускользнут от нее, она была готова пожертвовать ими этой ночью ради вечности с ним, и эта правда не ускользнула от Элайджи.

– Ты невыносимая женщина. – В его тоне не слышалось и намек на гнев.

– Да, но я навсегда останусь *твоей* невыносимой женщиной.

Он взял ее руку в свою и поднес ко рту, дабы прижаться губами к гладкому белому камню ее обручального кольца. Элайджа завершил жест еще одним вздохом, и они оба поняли, что это было – безоговорочная *капитуляция*. Элайджа не желал больше откладывать.

Отстранившись от него, Софи подошла к широкой кровати, где они провели так много ночей, слившись в объятиях друг друга. На столе горела одинокая свеча – единственный источник света в комнате, – но она светила ярко и наполняла воздух сладким ароматом меда.

Элайджа с растущим возбуждением наблюдал, как Софи сбрасывает платье и исподнее, пока не осталась лишь нагая кожа. С озорной улыбкой красавица забралась на кровать и вызывающе опустилась на колени, ее пышные груди вздымались с каждым вдохом. Элайджа мог чувствовать ее бешено бьющееся сердце и то, как кружится у нее голова от вожделения. Софи взмолилась Судьбе, использовав все свои силы, пока не высосала все до последней капли, и он внял ее зову, когда пробил тревожный час.

– Возможно, эти люди правы в своих христианских убеждениях, а ты их дьяволица и явилась, дабы искушать их, – поддразнил Элайджа, подходя к ней. Обнаженной и жаждущей Софи было невозможно сопротивляться, даже несмотря на ужасные обстоятельства, – факт, который она хорошо знала.

– Тогда им никогда не следует встречаться со мной.

Она потянулась к его штанам.

– И *это* требование вызова?

– Это *мое* требование. Плата, если хочешь. – Ее пальцы ловко скользнули по крючкам и пуговицам, поспешно раздевая его. Вскоре одежда Элайджи лежала рядом с ее шелковым платьем.

Они занимались любовью со своим обычным рвением, пока их кожа не заблестела, тяжелое дыхание не сбилось, а их крики не разнеслись по замку, даря домочадцам повод похихикать на следующее утро.

Когда они оба насытились, Софи откинула с шеи влажные волосы, поманив его к себе.

– Да будут Судьбы милостивы, – прошептала она, глядя на Элайджа открытым взглядом, который намекал на тот же трепет, что поглотил и его.

Элайджа наклонился, желая вдохнуть ее опьяняющий запах – аромат розовой воды, усилившийся после их ласк.

– Если не здесь, то в Захале. – Глупая мечта, ведь сомнительно, что такой, как он, когда-то сумел бы перейти в эту за-

гробную жизнь, но то была мечта, о которой стоило грезить.

Элайджа царапнул зубами нежную кожу Софи – в прошлом такой безобидный шаг к соблазнению. На этот раз, однако, она выгнула спину, увлекая его приливом крови, что струилась по ее венам.

* * *

Несколько раз моргнув, Софи избавилась от тумана беспомощности и взглянула на плотный бархатный балдахин, задрапированный сверху. Тусклый дневной свет пробивался в окно, отбрасывая тени в опочивальню.

Зазвонили церковные колокола, возвещая начало службы в деревне. Слабый сладковатый аромат дыма и меда витал в воздухе.

Софи улыбнулась, сокрушительный страх неудачи покинул ее сердце. Она преуспела.

Слабость сковывала ее конечности. Элайджа сказал, что так и будет. Но она уже почувствовала, что изменилась. В ее теле медленно и ровно стучало *новое* сердце. Это был новый рассвет для нее. Если Судьбе будет угодно, то Софи увидит бесчисленное множество других рассветов, а любовь и дружба будут всегда сопровождать ее.

– Элайджа? – прохрипела она, горло пересохло от жажды. Софи похлопала ладонью по перине рядом с собой в поисках его внушительного тела. – Сработало. Мы сделали это.

Ответом была лишь тишина.

Софи повернулась и обнаружила, что кровать пуста. Странно, что он бросил ее именно в это утро из всех возможных, однако он мог пойти за завтраком к прислуге. Элайджа знал, как она наслаждалась своей первой трапезой в постели, и всегда стремился угодить ей. Хотя Софи предполагала, что ее пища могла выглядеть иначе, особенно вначале.

Она все еще ощущала, как врожденная искра глубоко внутри нее мерцает в праздном ожидании.

Еще одна странность, учитывая, что Софи отдала свою силу Малакаю в обмен на эту новую бессмертную форму. Она попыталась призвать его, но слишком ослабла, и магия осталась там, где и должна была, – вне досягаемости. Или, возможно, теперь это был просто призрак из ее прошлой жизни, словно отсутствующая конечность, которая обманывала своего владельца, заставляя его чувствовать, будто она еще на месте.

Жжение в горле стало невыносимым. Элайджа сказал, ей нужно будет быстро поесть, дабы подавить неприятные ощущения и набраться сил, и что он непременно окажется рядом, чтобы помочь ей. Так где же он?

Софи поднялась с кровати.

От вида обнаженного тела Элайджи, распластавшегося на ковре, у нее перехватило дыхание. Она бросилась к нему, чтобы встряхнуть за плечо.

– Элайджа! – воскликнула она. Ее страх все возрастал. Ко-

жа Элайджи под ее пальцами оказалась холодной. Что-то было не так. Такие, как он, просто так замертво не падали.

Использував всю свою силу, Софи перевернула его. И задохнулась от того, что увидела.

– Нет, нет, нет... – Она обхватила его щеки дрожащими ладонями. Исчезли проникновенные карие глаза, которые напоминали ей плодородную почву после проливного дождя. Их сменила серая дымка. – Элайджа!

Софи яростно встряхнула его обмякшее тело, хотя уже подозревала, что это бесполезно.

Повинуясь инстинкту, она закрыла глаза и снова призвала свои силы. На этот раз они беспрепятственно откликнулись. Все же Малакай их не забрал. Однако сейчас ей не следовало беспокоиться о том, что это значило. Софи направила в неподвижное тело Элайджи невидимые щупальца магии в поисках ответов.

Ее сердце затрепетало от надежды при виде возникшего образа. Элайджа был жив, блуждая в густом бесконечном тумане.

– Элайджа!

– Софи? – Голос любимого эхом отдавался в пустоте, прозвучавшее имя будто пропиталось страхом.

– Я тебя вижу! – воскликнула она, желая, чтобы он ее услышал.

С душераздирающим криком боли Элайджа рухнул на застланную туманом землю. Образ исчез из ее сознания, обо-

рвав их связь.

– Нет! – прохрипела Софи, снова пропуская сквозь него свою магию. На этот раз призрачное тело отпрянуло в момент прикосновения к нему и обратилось в пепел. Снова и снова она пыталась достучаться до него, пока ее зов не перестал откликаться, а силы не истощились.

Софи припала лбом к груди Элайджи и завывала от отчаяния. Время, проведенное в Гильдии, научило ее этим ужасам. Древнейшие тексты повествовали о месте между складками времени и измерений, куда Судьбы изгоняли души блуждать в вечном одиночестве, рассказывали о пустом небытии, которое не было ни Захалой, ни Азбóдемом, а кое-чем более страшным. Большинство считало это очередным бредом провидцев. Но теперь Софи знала: *Нуллинг был реальным*, и Элайджа оказался запертым в нем, далеко за пределами ее досягаемости.

Как это могло произойти? Это было совсем не то, что обещал Малакай! Он наблюдал? Они наслаждались ее болью?

– Я не понимаю! Я избранная! – закричала она, надеясь, что он слушает.

Разве Софи не заслужила этого счастья? Она была такой преданной. Разве она недостаточно его восхваляла? Неужели Софи каким-то образом задела его хрупкое эго? Возможно, Малакай просто преподавал ей урок. Может, Малакай еще освободит Элайджу от проклятия. Софи цеплялась за эту тонкую нить надежды, рыдая и игнорируя свой голод. Печаль

переполняла ее, и она жаждала, чтобы вчерашний день вернулся.

К ночи Софи дрожала от слабости и скорбела от утраты. Но больше всего на свете сгорала от сожаления. Было ошибкой доверять Малакаю. Сейчас она это отчетливо видела. И все же он не лишил ее огромной силы, которую она отдала ему. Это могло означать только одно – он еще не закончил с ней.

– Я все исправлю, – почти шепотом пообещала Софи неподвижному телу Элайджи, надеясь, что эти слова смогут настичь его там, где не смогла ее магия. – Я никогда не остановлюсь.

Она снова почувствует тепло его прикосновения и нежность поцелуя своего возлюбленного. Или умрет в бесконечных попытках обрести это.

2020 год

В тусклом свете фонарей стройная фигура Софи оставалась такой же неподвижной, как и тело в каменном гробу. Ее силы были сосредоточены на молитве. Каждый день она проводила здесь много часов, стоя на коленях под полуразрушенным сводом часовни, пока камни не врезались в ее плоть, а кровь не просачивалась в землю.

Почти три века мольбы.

Почти три века пустых обещаний.

Годы тянулись долго, отмеченные изнурительной борьбой и голодом, а также одиночеством, с которым Софи училась выживать, прячась в тени, пока принимала свою новую бессмертную природу. Ей приходилось бесчисленное множество раз словно изобретать себя заново, лишь бы избежать нежелательного внимания: менять личность, убегать из дома ночью, стирать любые следы, которые могли бы намекнуть Гильдии и другим ее врагам, что Софи Жерар погибла не так давно. При всем этом она оставалась непоколебимой в своих мольбах о пощаде, обращенных к Малакаю. Другие никогда не признают ее, хоть она и пыталась достучаться до них. Именно с Судьбой Огня она была навеки связана.

Но теперь Софи дошла до грани.

Она поднялась на ноги, не обращая внимания на струйки крови, стекавшие по ее голениям из ран, которые заживут в течение нескольких часов, будто их никогда и не бывало во все. С холодным спокойствием она забралась в просторный гроб, дабы занять свое место рядом с любимым.

Раньше она держала Элайджу рядом с собой, в спальнях своих домов.

Осуществлялось подобное не без труда, особенно когда непослушные слуги натыкались на свежий человеческий труп в ее постели. Слухи о зле и колдовстве преследовали ее, куда бы она ни направилась, и Софи уже начала беспокоиться, что не сумеет защитить Элайджу.

Наконец, она вернула себе их первый совместный дом –

замок на вершине холма – и прогнала оттуда всех людей. Разрушающийся подвал, куда никто не отваживался проникнуть, стал их убежищем.

Именно здесь Софи построила новое святилище, куда могла ежедневно вызывать Малакаю, не опасаясь, что ее обнаружат. Иногда, как сегодня, молитвы встречались молчанием. В другой раз – нет. Малакай прибывал в своей телесной форме, приказывал ей проявить терпение, поскольку однажды «придет день, когда она воссоединится с Элайджей». Малакай отправлял ее на странные миссии, смысл которых она не могла понять, и приказывал не задавать вопросов – наверняка это была часть хитроумной паутины тайн, которую он сплел. Время от времени Малакай требовал, чтобы она раздевалась и предлагала себя на алтаре, а он мог бы использовать ее, как пожелает, – так, что и ее тело, и ее сердце преисполнялись боли, но по совершенно разным причинам. В последнее время подобные визиты участились, а требования стали смелее.

Спустя три века Софи больше не верила, что Малакай собирался даровать ее мужу свободу.

Она грустно улыбнулась, поглаживая пальцами щеку Элайджи. Сейчас он казался таким же красивым, как в тот день, когда Малакай забрал его у нее. Было бессердечно сохранять его таким безупречным. Софи чувствовала бы себя легче, если бы от него не осталось ничего, кроме пыли и костей. Впрочем, так поступала Судьба – жестоко шутила даже

над самыми преданными.

– Прости меня, любовь моя. – Софи сжала гладкую обси-
диановую рукоятку кинжала, позволив свету огня отразиться
от священного металлического лезвия. Она не была уве-
рена, что рана, которую собиралась нанести Элайдже, осво-
бодит его от этого проклятия, но не сомневалась: эта рана
освободит ее от своего – *проклятия вечной муки*.

– Да будут Судьбы милостивы, – прошептала она, зная,
что этого не произойдет. Софи поднесла острое лезвия к гру-
ди Элайджи, набравшись смелости, дабы вонзить его в плоть.

Вдруг на металле отразилось мерцание, заставляя Софи
замереть. Затем еще одно, намек на движение, после кото-
рых последовал скрежет о камень. В этих стенах жили гры-
зуны, и на них охотились кошки, однако она не чувствовала
биения их сердец, к тому же никто не производил такого
шума.

Пuls Софи участился, когда внутри хранилища появи-
лось сияние, отбрасывая на трещины в каменном потолке и
стенах теплый мерцающий свет. Выпустив из рук кинжал,
она приподнялась и села на колени. Ее рот приоткрылся от
благоговения при виде силуэта, что вырисовывался в центре
сырого помещения. *Его* величественные рога пылали пламе-
нем. Она видела его бесчисленное количество раз, но таким
– *никогда*.

– Время пришло, – прогремел низкий голос Малакая. –
Ты моя верная слуга?

Софи выбралась из гроба, дабы упасть на колени и прижаться лбом к земле перед Судьбой Огня.

– Навечно.

Чтобы вернуть Элайджу, она сделает все, о чем ее попросят.

1

– Икры, мисс? – Учтивый официант в накрахмаленной форме преграждает мне путь сквозь снующую толпу и сует под нос серебряный поднос.

Когда-то я совершила ошибку и приняла подобное предложение. Это было мое первое задание для Корсакова, и я нервничала, стремясь влиться в великосветскую среду, поэтому приняла керамическую ложку крошечных черных шариков, к которым другие гости слетались, как утки к рассыпанному хлебу. Потребовалось столько усилий, чтобы наконец-то протолкнуть скользкий комок в горло.

Отказавшись, я проскальзываю мимо официанта и направляюсь к бару в углу. Мое сердце дико бьется от постоянного прилива адреналина, который всегда сопровождает меня в подобные ночи.

– Французский 75¹, – заказываю я и присаживаюсь, осматривая пейзаж с роскошными цветочными топиариями² и женщин в дизайнерских платьях.

Драгоценные камни подмигивают мне со всех сторон.

¹ «Французский 75» – алкогольный коктейль на основе джина, шампанского и лимонного сока; классифицируется как газированный коктейль и входит в число официальных коктейлей Международной ассоциации барменов, в категорию «Современная классика».

² Кустарниковая скульптура – фигурная стрижка деревьев и кустарников.

Для благотворительного мероприятия, предназначенного для сбора средств на борьбу с *голодом*, кажется ироничным, что количество денег, свисающих с запястий и обхватывающих пальцы, вероятно, могло бы кормить голодающих в стране в течение многих лет.

Эти люди понятия не имеют, как живет другая сторона, но они готовы воспользоваться любой возможностью, лишь бы поаплодировать себе за «добрый» поступок, в то же время потягивая дорогое вино из своих бокалов.

Моя цель стоит в двадцати футах от меня: черный смокинг, который он выбрал для сегодняшнего вечера, льстит подтянутой фигуре мужчины, его седеющие волосы недавно подстрижены во время дневного визита в клуб джентльменов на 57-й улице. Он улыбается, наблюдая, как скрипачка проводит смычком по натянутой струне, сплетая ненавязчивую мелодию. Неосведомленным может показаться, будто он просто ценитель прекрасной классической музыки. Однако я следила за ним последние несколько недель и поэтому знаю больше.

Глаза юной скрипачки закрыты, она растворяется в мелодии, но в промежутках между произведениями девушка всегда встречает его пристальный взгляд и усаживается поудобнее, словно не в силах дождаться, когда же сможет оседлать его колени в квартире в Сохо, которую он снимает для нее сегодня вечером.

Я не понимаю, как его жена, стоящая в десяти футах от

него, не уловила симпатии мужа к студентке колледжа, обладательнице таких выразительных глаз. Или все-таки уловила и считает это справедливой компенсацией за жизнь в Верхнем Ист-Сайде и цифры на ее банковском счете.

– Прекрасный инструмент, не так ли? – Женский голос с мягким акцентом звучит неподалеку.

– Хм-м, – протягиваю я, соглашаясь, но в остальном не обращаю на женщину никакого внимания. Я не разговариваю с людьми во время работы. Беседа оставляет после себя следы, а они в конечном итоге могут привести ко мне. Это грозит закончиться посещением реки Гудзон с бетонным блоком, привязанным к моим лодыжкам.

Я забираю свой напиток, с досадой отмечая графитовое пятно на указательном пальце. Я плохо помыла руки после урока рисования, но это и неважно. Что важно, так это переместиться в более безопасное место, где никто не почувствует себя обязанным разговаривать с одинокой женщиной у бара.

– За какую конкретно кражу у этого мужчины вам платит Вигго Корсаков?

Я замираю. Когда я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на человека, обронившего такое неосторожное и опасное заявление, меня охватывает дурное предчувствие. На меня пристально смотрит эффектная женщина с изумрудными глазами и волосами цвета свежееотчеканенной монеты. Она мне незнакома. Я никогда раньше не встречала ее ни на одном из

этих мероприятий, а я бы *точно* запомнила ее.

Мне требуется буквально несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями и изобразить недоумение.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

Ее накрашенные красные губы искривляются в понимающей улыбке, будто она слышит, как в моей голове звенит тревога. Но затем женщина опускает подбородок.

– Должно быть, я перепутала вас с кем-то другим.

– Ага. Определенно. – Я пожимаю плечами и неестественно посмеиваюсь, украдкой оглядываясь по сторонам.

Кем бы ни была эта женщина, она изысканна, величественна и привлекает любопытные взгляды. Она *последний* человек, с которым мне следует стоять сегодня вечером, пока я пытаюсь оставаться незамеченной.

– Извините, мне нужно...

– Разве это не вы украли то бриллиантовое кольцо на балу этим летом? – Она наклоняется, чтобы заговорщически прошептать следующие слова, в то время как ее глаза озорно поблескивают: – Я слышала, вы сорвали его с шеи той женщины, а она и не заметила.

Мое сердце колотится в груди, пока я изо всех сил пытаюсь натянуть маску безразличия. Это ограбление попало во все заголовки Манхэттена. Незнакомка может просто гадать.

– Извините, но нет.

Женщина хмурится.

– И разве не вы украли прошлой весной бриллиантовый

браслет за миллион долларов, принадлежавший какой-то актрисе?

– Кто вы, черт возьми, такая? – Я не в силах сдержать дрожь в голосе. То, что она обвинила меня в Чикагском ограблении Картье, совсем не похоже на случайность. Она не может быть копом. Корсаков очень многих из них держит под каблуком, так что мы в любом случае услышали бы о расследовании.

Она запрокидывает голову и хрипло смеется.

– Я никак не связана с властями, если вы об этом подумали. Я, как бы это сказать... почитательница?

Сумасшедшая – вот кто она. И говорит странно, словно пришла из другой эпохи.

– Я польщена, но вы выбрали не ту девушку. – Я допиваю половину стакана и осматриваю бальный зал в поисках двух охранников, получающих зарплату у Корсакова. Они должны быть рядом в случае чрезвычайной ситуации, но их нигде не видно.

Как бы ни хотелось сбежать, но мне надо оценить, какую опасность для меня представляет эта женщина. Прислонившись к барной стойке, я изображаю такое же хладнокровие, как у нее.

– Извините, я не расслышала вашего имени.

– Софи, – без колебаний отвечает она. Наверняка лжет. Но даже фальшивые имена могут стать настоящими, если ими долго пользоваться. Все на улице знают меня только как

Ти, сокращение от Тэррин – имени мошенницы, которую я встретила в приюте в пятнадцатилетнем возрасте. Она взяла меня под свое крыло и научила воровать и не попадаться. Сначала это была еда, книги, одежда – предметы первой необходимости. В конце концов, это превратилось в лак для ногтей и серьги-кольца, а затем в кошельки, набитые кредитными картами и наличными.

Когда Тэррин арестовали за крупную кражу автомобиля и отправили за решетку, я взяла ее личность.

Я решаю подыграть этой подозрительной дамочке.

– Так вы живете в Нью-Йорке, Софи?

– Нет. Сейчас мы с мужем обосновались в Бельгии. Прошло много времени с тех пор, как я была здесь. Думаю, почти десятилетие. – В уголке ее губ появляется маленькая ухмылка. – Элайдже еще предстоит посетить этот город, но я предполагаю, он будет обманут им. – Софи не торопится, она делает глоток вина, не сводя с меня взгляда. Если она и опасалась приближаться ко мне сегодня вечером, то этого не заметно. Каждый дюйм ее тела излучает бесстрашную уверенность. Обычно я бы этому позавидовала.

Но сейчас я очень расстроена.

Скрипка затихла. Брюнетка, подарившая гостям такую прекрасную мелодию, стоит в углу, убирая свой инструмент в футляр. Рядом моя цель разговаривает с другим мужчиной, но его частые взгляды на часы говорят, что он пытается вырваться отсюда поскорее. Я упусти свою возможность, если

не предприиму что-нибудь в ближайшее время.

– Что скажете, если я предложу двойную цену за то, что вы собираетесь сегодня украсть?

Софи снова пугает меня, возвращая мое внимание к себе. Бессмысленно продолжать отрицать, что я воровка, за которую она меня приняла. Кто-то снабдил ее достоверной информацией, и я получу от нее больше фактов, если подыграю.

– И что, по-вашему, я хочу украсть?

Она пожимает плечами, ее проницательный взгляд останавливается на отражении в зеркале за барной стойкой.

– Понятия не имею, и мне все равно. Но если бы я рискнула предположить, то сказала бы, что эти запонки представляют значительную ценность.

Эти запонки стоят четыреста штук, исходя из цены, что мистер богатый придурок заплатил за них на прошлогоднем аукционе, хотя я не буду подтверждать ее подозрения.

– Спасибо за предложение, но я вынуждена отказаться.

Ее безупречные брови изгибаются.

– Значит, тройную цену?

Я колеблюсь. В начале карьеры я мало зарабатывала, но, когда сумела доказать свою ценность, пачки наличных после отлично выполненной работы стали больше, чем я бы потратила за всю свою жизнь. *Утроить* эту сумму? Что ж, большинство людей моей профессии наверняка клюнули бы на эту наживку, однако они прослыли бы идиотами, поскольку

перейти дорогу такому человеку, как Вигго Корсаков, невероятная глупость.

Опять же, если я не появлюсь сегодня вечером в его кабинете со злосчастными запонками, усыпанными бриллиантами, то это будет мой второй промах за несколько месяцев. К сожалению, я становлюсь для него все менее ценным «сотрудником».

– Кто тебя послал? – Все в этой ситуации просто кричит о ловушке. Если бы я не была *буквально* в разгаре дела, то мне бы пришла в голову мысль, что за этим стоит сам Корсаков. Замечательный способ проверить мою преданность.

Ее глаза искрятся весельем.

– Малакай.

– Никогда о нем не слышала. – *Но обязательно поспрашиваю.*

Софи изучает мое лицо, словно я объект, достойный пристального внимания.

– Я вижу, что для своего возраста ты невероятно мудра. И верна. Я ценю эти качества.

– Скорее, мне нравится дышать, – бормочу я, делая глоток. Напиток предназначался в качестве реквизита, чтобы помочь мне слиться с толпой, но скоро я закажу еще один, лишь бы заполнить чем-то свою вспотевшую ладонь.

– Значит, это страх удерживает тебя с ним. Потребность в выживании.

Последнее десятилетие моей жизни было посвящено вы-

живанию.

Несмотря на подозрения, мне жаль эту женщину. Кем бы ни был этот Малакай, он отправил ее сюда с рискованным поручением.

Я понижаю голос.

– Может быть, тогда тебе стоит взять у меня парочку уроков, потому что разбрасываться фамилией Корсакова направо и налево – *плохая* идея.

– Mais oui³, я понимаю, что он опасный человек. – Софи пренебрежительно машет рукой, и я обращаю внимание на золотое кольцо у нее на пальце. Полоска толстая и богато украшенная, с отделкой под старину, а крупный белый камень в центре не блестит. Я могла бы стащить его, как приз из автомата с жвачкой, если бы его не носила *эта* женщина.

– Ты не захочешь с ним связываться, поверь мне.

Вероятно, она думает, будто ее красивое личико очарует его, но Корсаков становится безжалостным убийцей, если почувет угрозу для своей империи.

Софи снова смотрит на меня оценивающим взглядом.

– Тогда почему ты с ним связалась?

– Потому что у меня не было выбора. – Слова вылетают сами собой. Я мысленно корю себя за то, что позволила им так легко сорваться с языка. Из-за этого я кажусь слабой и напуганной – не более чем пешкой, фигурой в чужой игре. И, полагаю, да, в какой-то степени так и есть, хотя я тоже

³ «Да, конечно!» (фр.)

веду свою игру, финал которой – уйти от такой жизни.

– Тебя с ним связывает какое-то соглашение.

Глаза Софи не отражают никакой жалости. Однако я вижу неподдельный интерес.

– Больше похоже на долг, что я никогда не смогу выплатить.

Мне было восемнадцать, когда я сняла одну бриллиантовую безделушку с чужой руки в ночном клубе. На следующий день я отнесла ее в ломбард, где закладывала все свои приобретения, зная, что Скалли заплатит мне часть ее стоимости без лишних вопросов. Толстая пачка наличных в моем кармане заставила меня буквально выскочить из магазина. Это продержало бы меня на плаву несколько месяцев, если бы я тратила их с умом.

На следующий день трое мужчин выследили меня и затащили в черный внедорожник. Выяснилось, что украденное кольцо принадлежало дочери Вигго Корсакова.

Я до сих пор помню, как стояла в конторе, располагавшейся на складе, перед самым Вигго Корсаковым, человеком с прищуренными глазами и жестокой улыбкой. Один из флуоресцентных фонарей наверху мигал и норовил погаснуть, создавая еще более жуткую атмосферу. Потребовалась каждая частичка моего самообладания, чтобы унять дрожь в теле и сдержать переполненный мочевой пузырь, пока я бесконечно извинялась, умоляя этого страшного мужчину не использовать нож для мяса, который дожидался на соседнем

столе. Как бы я выжила без рук? Лишь в воровстве мне удалось преуспеть.

Вместо этого Корсаков предложил мне сделку. Скалли рассказал ему, мол, у меня глаз-алмаз, и о том, что «товары», которые я доставляла на протяжении многих лет, намного превосходили по стоимости обычные безделушки и мусор, что он скупал у других. Корсакову как раз-таки нужна была воровка моего уровня и профиля – молодая, хорошенькая, на кого ни за что не подумаешь, и, что самое удивительное, без отпечатков пальцев в базе данных полиции. Сказал, что, если я соглашусь работать на него, он простит мне мой ужасный промах.

На улицах ходило достаточно слухов об этом человеке, чтобы понять: это вовсе не выбор. Если я хочу выйти со склада живой и с целыми руками, то мне следует принять его предложение. И я приняла.

Это произошло три года назад, и, пусть свободой я не обладала, моя жизнь не была такой уж плохой.

Прошли те дни, когда я спала в приютах для подростков и фургонах, на диванах или в нише публичной библиотеки, если позволял ночной охранник. Теперь у меня имелась роскошная квартира-студия в Челси с кирпичными стенами и окном, выходящим на юг, где на подоконнике в горшках росли базилик и розмарин, а мой холодильник всегда был полон свежих фруктов и мяса, за которые я заплатила из собственного кармана.

Корсаков поручил своей дочери – той самой, у которой я украла кольцо, – превратить меня из задиристой уличной девчонки, слоняющейся по темным подворотням, в шикарную женщину, которая могла бы посещать светские благотворительные мероприятия и не вызывать ни малейшего подозрения. Я больше не проводила дни в поисках оставленных в машинах ценностей и незадачливых дураков, что не стерегли свои кошельки и сумочки. Теперь я вела относительно нормальную жизнь, пользуясь собственными талантами, только когда Корсаков хлопал меня по плечу и давал билет на одну из таких вечеринок, где я, подобно хамелеону, растворялась в толпе, чтобы раздобыть хорошо застрахованные драгоценности богатых мудаков.

Так он меня и называл: *его хамелеон*.

Но в итоге я по-прежнему являлась воровкой, которая теперь вдобавок чувствовала себя обязанной Корсакову больше, чем три года назад. Если только я вдруг бесследно не исчезну и не проведу черт знает сколько лет, постоянно оглядываясь через плечо. В ином случае выбора у меня нет. Я застряла с ним до тех пор, пока он не сдохнет или пока я не перестану представлять для него ценность, а это уже означало, что я окажусь на глубине шести футов под землей.

Софи наклоняет свой бокал, чтобы допить остатки вина, а после осторожно ставит его на стойку.

– Прошу прощения. Мне кажется, ты нервничаешь. Я больше не стану отвлекать тебя от твоего задания. Не делай

глупостей. *И не попадись.*

Она подмигивает и так же быстро, как появилась рядом со мной, исчезает в толпе, а я потрясенно смотрю ей вслед.

* * *

– Он в бешенстве. – Тони барабанит толстыми пальцами по пассажирской двери под скрежет дворников. – Два крупных провала подряд. По-видимому, маленькая ящерка больше не стоит хлопот.

Но я лишь закатываю глаза, а затем сверлю взглядом затылок большого придурка, зная, что он наблюдает за мной через боковое зеркало и наверняка заметит это. Тони слишком сильно наслаждается моей неудачей для человека, который должен быть со мной в одной команде. Впрочем, меня подобное не удивляет. Именно он охранял Анну в ту ночь, когда я украла ее кольцо. Этим он заслужил сломанный нос, сросшийся потом неправильно, и три сломанных ребра, а также понижение в звании, которое он еще не восстановил. С тех пор он меня презирает, а в такие ночи, как сегодня, когда ему поручают нянчиться со мной, становится еще хуже.

Мнение Тони не имеет значения, но я знаю, что Корсаков не сможет легкомысленно отнестись ко второму промаху, особенно к этому. У него уже есть покупатель, а Вигго ненавидит отказываться от сделки.

Однако я научилась не показывать страх перед этими пар-

нями. Такие засранцы, как Тони, будут питаться им, словно бешеные койоты, пока от меня не останутся одни кости.

– Уже поздно. Отвези меня домой, и я поговорю с ним завтра.

Корсаков вспыльчив, но быстро остывает. Лучше не находиться рядом с ним, пока этого не произойдет.

– Не-а. – Улыбка Тони широкая и неприятная. – Он звонил перед тем, как ты вышла. Сказал привезти тебя сегодня вечером.

– Отлично. Пофиг. – Я притворяюсь безразличной, но желудок скручивает от страха. Это не сулит мне ничего хорошего. К тому моменту Корсаков не мог знать, что я потерпела неудачу. Но, может, он принял решение о моей судьбе на случай, если у меня не получится.

Я сосредотачиваюсь на своем дыхании, пока наш внедорожник петляет по улицам города, туманный свет стоп-сигналов и безжалостный звук гудков такси странным образом успокаивают. Моя цель ушла прежде, чем я успела сделать ход, но все равно это было бы слишком рискованно. Мне стоило предположить, что Софи каким-то образом связана с федералами, и, если эти запонки пропадут сегодня ночью, дверь моей квартиры станет первой, которую они вышибут.

– Что за сувенир? – спрашивает Тони.

Он имеет в виду стакан Софи, украденный мною со стойки до того, как бармен успел забрать его, и очень аккуратно спрятанный под одеждой в попытке не смазать ее отпечатки

пальцев.

– Такую штуку используют, чтобы пить вино.

– Знаешь, в один прекрасный день твой умный ротик навлечет на тебя настоящие неприятности. Зачем ты его взяла?

– Потому что мне нужен был новый.

Он фыркает.

– Идиотка.

Я забрала стакан, думая, что отдам его Корсакову, когда расскажу о Софи в надежде задобрить его из-за сегодняшней неудачи. Но чем больше я обдумываю этот план, тем лучше понимаю, что, скорее всего, он решит, будто меня скомпрометировали. В прошлом году, когда Роло застали за милой беседой с УБН⁴, Корсаков освободил его от обязанностей, выстрелив в затылок. По крайней мере, такие ходят слухи – Корсаков не настолько глуп, чтобы убивать на публике. Но с тех пор никто, включая жену и детей Роло, его не видел.

Тони прав. Я идиотка, что не выскользнула через черный ход, пока еще могла.

Внутри все переворачивается, когда я замечаю чуть впереди знакомую тележку уличного продавца.

– Остановись здесь на минутку.

– Серьезно? – из-за своей внушительной комплекции Тони с трудом поворачивается и хмуро глядит на меня.

– Я голодна, – лгу я.

⁴ Управление по борьбе с наркотиками – агентство в составе Министерства юстиции США, занимающееся борьбой с наркоторговлей.

Сомневаюсь, что смогу откусить хоть кусочек.

– Ты только что пришла с вечеринки толстосумов, где полно жратвы! – Он громко стонет – Тони всегда жалуется, когда я прошу остановиться, – но затем кивает Пиджу. – Черт, ладно. – И добавляет себе под нос: – Учитывая, что это, вероятно, твой последний ужин.

– Я даже съем его на улице, – предлагаю я, и мой голос источает фальшивую сладость. Единственное, что Тони презирает больше меня, – это запах хот-догов и квашеной капусты.

– Естественно, ты съешь его на улице. Иначе салон будет вонять еще неделю. – Он качает головой. – Можно выгнать девушку с улицы, но уж точно не уличные замашки из девушки.

– Под моим сиденьем зонтик, – предлагает Пидж, пока я осторожно ставлю стакан Софи.

– Спасибо.

Пидж тихий и самый приятный из компании, но и он за просто продаст свою сестру за правильную цену.

Я выпрыгиваю наружу, клатч зажат под мышкой. Надетое на мне длинное платье – черный на бретельках атлас – самое неброское из дизайнерской партии, которую парни раздобыли во время своего последнего ограбления. Ни оно, ни моя накидка не обеспечивают никакой защиты от леденящего кровь ноябрьского воздуха, однако в моем нынешнем состоянии я почти не замечаю этого.

Хочется верить, что Корсаков меня не прикончит, только

не из-за этого. По иронии судьбы *ко мне* этот человек проявил больше доброты, чем к большинству людей, пусть и по своему. Однажды один из его головорезов воспринял закон «не трогай мою хорошенькую воровку» как простое руководство и попытался навязать себя мне.

Корсаков кнутом содрал кожу с его спины. Я знаю, поскольку Вигго заставил меня смотреть на это зрелище, гордо улыбаясь, будто кошка, подносящая убитую птицу к ногам хозяина.

Только вот Корсаков не обычный кот. Он тигр, который время от времени бросается на тех, кто его кормит.

Телефонный звонок, требование увидеть меня с запонками или без... Неужели он уже знает о рыжеволосой женщине, что пыталась вытянуть у меня информацию? Или он каким-то образом узнал о скрытых запросах, которые я делала насчет получения паспорта? О деньгах, спрятанных у себя в вентиляции? О квартире в Лондоне, которую хотела снять? Если да, увидит ли он в этом что-то, кроме плана побега?

Мои инстинкты говорят мне бежать.

Шагая по тротуару, я стараюсь не наступать в лужи и попутно продумываю стратегию. Мне просто сбросить каблук и рвануть? Или подождать, пока я окажусь на безопасном расстоянии, чтобы дать себе фору? Я могла бы пройти через парк и прыгнуть в такси на другой стороне. Возвращаться в квартиру за сумкой было бы рискованно, но без нее идти на вокзал нет смысла. В ней деньги, одежда, новое удостове-

ние личности – все, что нужно, чтобы исчезнуть.

Я лишь отчасти удивлена, что Тони выпустил меня. Он достаточно глуп и высокомерен, чтобы предположить, будто я не сбегу. Или, наверное, ему хочется, чтобы я это сделала, и тогда у него появится предлог отдать меня своему брату, но прежде избить до синяков.

Я все еще обдумываю свой план, когда подхожу к тележке. Элтон сторбился над грилем, переворачивая сосиску.

– Да? – хмыкает он и поднимает взгляд. Мгновенное узнавание отражается на его лице. – Давненько тебя не видел.

Я прошла долгий путь от неуклюжей девчушки с неприветливыми глазами, подведенными черным карандашом, и обесцвеченными волосами, которая украла у него хот-дог. Но однажды Элтон сказал, что не имеет значения, за каким количеством макияжа я прячусь или какого цвета мои волосы; ему нужно лишь знать меня и смотреть в мои голубые глаза. Они напоминали ему о детстве и лете у Адриатического моря.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как мы не виделись.
– Я была занята.

Я осмеливаюсь бросить взгляд через плечо на ожидающий меня внедорожник, чей мигающий аварийный сигнал вызывает гудки гневных водителей из других машин, столпившихся сзади. Тони даже не способен подняться по лестнице без одышки, так что я могла бы запросто обогнать его, даже на каблуках. Однако Пидж умен: он найдет обходной

путь и нагонит меня в другой стороне квартала.

Элтон открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрывает его. Я уже знаю, что у него на уме. Так думают все мои уличные знакомые: что я элитная проститутка.

Я никогда их не исправляла. Лучше уж продавать то, что у тебя есть, чем то, что ты украл.

– Рад видеть, что ты еще на плаву, – говорит он.

Возможно, ненадолго.

Если я направлюсь с едой к одной из скамеек в парке, у меня появится хороший шанс ускользнуть и не попасться. Это может дать мне преимущество.

– Тебе как обычно? – Мужчина держит длинный хот-дог в металлических щипцах.

Я улыбаюсь.

– Ага.

– И ему тоже? – Элтон кивает влево, вопросительно приподняв брови.

Я смотрю в ту сторону и вижу гору скомканных одеял на тротуаре где-то в пятидесяти ярдах от меня. От удивления я отвлекаюсь от своего плана.

– Это Эдди?

Неужто уже прошло полгода?

– Ага. Он околачивается здесь уже несколько недель.

– И?

Элтон пожимает плечами.

– Пока еще не отпугнул моих клиентов. Кажется, его зре-

ние ухудшилось.

Возможно, время, проведенное Эдди в тюрьме, помогло ему так, как ничто не помогало.

– Дай мне два хот-дога, пожалуйста.

Я всегда покупаю вторую порцию, когда Эдди рядом. Элтон догадывался, что мы как-то связаны, но никогда не спрашивал подробности.

Я засовываю двадцатку под дозатор салфеток на прилавке тележки и, как всегда, отмахиваюсь от сдачи. Я потеряла уже счет, сколько раз добросердечный уличный торговец мясом кормил меня на протяжении многих лет, когда я голодала и не могла заплатить за еду.

Сжимая оба хот-дога в одной руке, я, укрывшись под зонтом, пробираюсь вперед, игнорируя предупреждающий гу-док с обочины. Чем ближе я подхожу, тем сильнее становится вонь застоявшейся мочи и запах невымытого тела.

– Привет, Эдди.

Мужчина выглядывает из-под грязного одеяла, щурясь от дождя. Или, может, чтобы разглядеть, что у него перед глазами. Они подстригли ему волосы и бороду в тюрьме, поэтому теперь он не выглядит таким неряшливым, как при последней нашей встрече, и он прибавил в весе несколько фунтов. Однако потерял еще один зуб.

– Это ты?

Болезненный ком застревает в горле.

– Ага. – По крайней мере, сегодня он узнает меня. – Как

дела?

– Меня больше не пускают в «Святого Стефана», – ворчит Эдди.

– Это потому, что там ты угрожал убить волонтера. По этой причине ты и попал в тюрьму.

Каким-то образом меня утешала мысль о том, что у Эдди было теплое сухое место для сна и трехразовое питание, даже если его любезно предоставила окружная тюрьма.

– Он пытался меня отравить. Я видел это собственными глазами!

Я прикусываю язык, борясь с желанием напомнить ему, что это была свежая петрушка, которой мужчина – школьный учитель, добровольно работавший в бесплатной столовой, – посыпал пастуший пирог⁵. К черту слабое зрение – Эдди так глубоко погряз в свих грезах, что больше не услышит никакой правды.

– Вот, держи. Я принесла тебе кое-что. – Я отдаю ему оба хот-дога.

Его глаза сужаются, пока он, не двигаясь, изучает их.

Я тяжело вздыхаю.

– Ну же, пап, это я, Рóми. Тебе нужно поесть.

После еще одной долгой паузы он принимает хот-доги грязной рукой. Засунув один под одеяло, чтобы съесть позже, он соскребает начинку с другого одним движением боль-

⁵ Блюдо британской кухни, представляет собой картофельную запеканку с фаршем.

шого грязного пальца. Квашеная капуста и горчица падают на тротуар рядом с моей пяткой, несколько желтых капель попадают мне на подол.

– Ну так что? Ты в порядке? Никаких болей, припухлостей или чего-то еще, что следовало бы проверить у врача?

Эдди – сорокадевятилетний мужчина, который легко может сойти за семидесятилетнего, ведь десять лет жизни на улице знатно его состарили.

– Остерегайся демонов. Особенно тех, у которых кривые рога. Они здесь, ходят среди нас и облачены в нашу кожу.

Крупница глупой надежды, что я питала, придя сюда, испаряется. Ничего не изменилось.

– Ага. Определенно.

Раньше меня выворачивало наизнанку, когда я наблюдала за этой версией своего отца – восседающего на ящиках изпод молока и на скамейках в парке, разглагольствующего о монстрах, прячущихся в тени и питающихся человеческими душами. Это случалось еще в те времена, когда воспоминания о нашей прежней жизни были еще свежи в моей памяти.

Когда-то давно мы жили в квартире с двумя спальнями в Ист-Ориндж, штат Нью-Джерси. Мой папа был начальником производственного участка на заводе по изготовлению болтов и шурупов, а мама работала продавцом в продуктовом магазине. Я брала уроки плавания и играла в футбол. Мы ужинали ровно в шесть вечера, каждую осень ездили на ферму, где часами искали идеальные тыквы для хэллоуин-

ских фонариков.

Я потеряла эту версию своего отца в ту ночь, когда он стал свидетелем жестокого убийства женщины на стоянке у работы. Он утверждал, будто виноват неведомый монстр с крыльями и закрученными черными рогами, разорвавший ее когтями на части, и что ведьма, выпускающая пламя из кончиков пальцев, отправила его обратно в ад.

После этого он уже не оправился, все больше поддавался галлюцинациям и паранойе, которые ни лекарства, ни врачи не могли вылечить и объяснить. Отец потерял работу, мы лишились квартиры, и, в конце концов, находиться рядом с ним стало небезопасно.

Мы пытались помочь ему, но у нас не было денег, а если нет денег, система таким безнадежным людям не помогает. Так папа и оказался на улице, где и живет с тех пор.

Я провела годы, злясь и притворяясь, будто отца не существует, а затем еще несколько лет, страдая от чувства вины и стараясь поддерживать его – я договаривалась о приемах у врача, на которые папа отказывался приходить, снимала жилье, где он не желал оставаться, покупала одежду, которую он в итоге терял.

Теперь все, что я могу ему подарить, это свое опустошенное от разочарования сердце, дешевую еду и несколько добрых слов, когда встречаю его на улице. У меня есть свои проблемы, с которыми нужно считаться.

– Мне пора идти.

Впереди стелется узкая тропинка, ведущая к кустам рядом с мусорным баком. Если притворюсь, что выбрасываю обертку, то смогу обеспечить себе небольшое преимущество. Пидж и Тони направятся напрямиком в мою квартиру, как только обнаружат пропажу, и если я выжду парочку дней, то в конце концов у меня получится проникнуть туда и забрать вещи. Ну, а затем сбежать.

– Приходила твоя мать, – говорит отец, кусая хот-дог. – Она спрашивала о тебе.

Упоминание о ней всегда ранит меня, но сердце быстро ожесточается. Я знаю, что она до сих пор время от времени разыскивает меня.

– Она все еще с *ними*?

Папа кивает.

Я сжимаю зубы.

– Держись от нее подальше. – Я больше не виню отца за болезнь, которая украла его у нас, но моя мать *добровольно* предпочла бросить свою дочь ради монстров. Я никогда ей этого не прощу. – Береги себя, хорошо? – Вешаю зонт на изгородь рядом с отцом, чтобы тот хоть как-то его защищал. Все равно без зонта бежать будет легче. – Иди в «Сент-Винсент» и спроси Сэма.

– Сэма?

Иногда папа слушается меня и ищет убежище. Он никогда не задерживается там надолго, но это хоть что-то.

– Ага. Сэма. Скажи ему, что ты друг Ти. Хорошо? Ти. *Не*

Роми. Он не знает Роми. – Ее никто не знает. – Он хороший парень. Не будет пытаться отравить тебя, так что не угрожай ему, ладно? Я должна идти...

Папа резко выбрасывает руку вперед и с удивительной для него силой сжимает мою икру.

– Остерегайся демона с пылающими волосами. Она охотится за тобой, – шипит он, и из его рта вылетают кусочки булочки и мяса.

Дрожь беспокойства пробегает по моему телу. Я привыкла к бреду отца, но он всегда связан с одной и той же фигурой – призрачным чудовищем с черными закрученными рогами. Но это что-то новенькое, и на ум сразу приходит загадочная рыжеволосая женщина в зеленом платье.

– Что ты имеешь в виду под пылающими...

– Какого хрена? – рывкает Тони, чем сильно пугает меня. Я не слышала, как он подошел. – Мы сидим и ждем тебя, а ты болтаешь с этим бездельником, – насмехается он над моим отцом.

Но Эдди не обращает на него внимания, его глаза впиваются в мои, как будто умоляя выслушать. Его хватка напрягается.

– Золотая Лань была здесь. Она знает, кто ты... – Черный ботинок Тони врезается в челюсть моего отца, отбрасывая его назад с тошнотворным треском.

– Что за черт! – Я не думаю дважды, а широко размахиваюсь, и мой кулак встречается прямо с носом Тони. Ощуще-

ние хруста костей под костяшками пальцев приносит несказанное удовольствие.

– Ах ты сучка! – Одной рукой он хватается за плечо, а другой обхватывает лицо. Кровь стекает возле его рта.

Я пинаю Тони по голеним в попытке освободиться, чтобы проверить отца. Он лежит на холодном мокром тротуаре и стонет. У него точно сломана челюсть.

– Ты делаешь мне больно!

– О, я еще даже не начинал. – Тони сжимает сильнее и тащит меня к бордюру, куда Пидж подогнал внедорожник, чтобы забрать нас. – Только что звонил мой брат. Он хочет, чтобы мы были на месте прямо сейчас, и он не шутит.

Годы скитаний на улице научили меня защищать себя, но ничто не поможет мне вырваться из тисков Тони. Он фунтов на двести больше меня и очень силен. У меня не остается выбора. Я лезу рукой в разрез платья и вытаскиваю из ножен маленький нож, привязанный к бедру.

– Я так, мать твою, не думаю. – Тони двигается удивительно быстро для такого верзилы, к тому же раненого. Он обвивает своей мускулистой рукой мое тело и прижимает меня спиной к своей груди. – По-твоему, я не знаю о твоём маленьком ножичке для масла? Что ты собираешься с ним делать? Хм? – Он сжимает мое запястье своей окровавленной рукой.

Я кричу, когда боль пронзает мою руку, и теряю хватку. Лезвие падает на тротуар, куда я не в силах дотянуться,

оставляя меня беззащитной, пока Тони тащит меня к пассажирской двери.

Элтон обходит свою тележку с бейсбольной битой в руке. Обычно он держит биту у себя для защиты.

– Ти? Тебе нужна помощь?

Тони усмехается.

– Возвращайся лучше к своим хот-догам, не то худо будет.

Элтон делает паузу, и пристально смотрит на меня. В его глазах отражается внутренняя борьба, и я знаю, о чем он думает: у него жена и двое детей, к которым он хочет вернуться домой. Однако он не может сидеть сложа руки, пока меня, кричащую и пинающуюся, волокут к машине.

Тони не блефует: он выстрелит в него из глока, что держит под курткой.

Я сдаюсь и качаю головой, прося Элтона не вмешиваться.

– Все будет в порядке.

– Я бы не был так в этом уверен. – Тони пихает меня на заднее сиденье внедорожника и садится рядом со мной, чтобы удержать на месте.

Последнее, что я слышу перед тем, как он захлопывает дверь, это безумный крик моего отца:

– Найди Позолоченную Лань!

2

Основные импортно-экспортные операции Корсакова осуществляются из склада серо-стального цвета, по форме напоминающего коробку и находящегося в городских портах, куда приходят и откуда уходят контейнеры с грузом, а портовое начальство так хорошо умаслено, что все ускользает из виду. Участок охраняется забором, камерами по периметру, а ночью толпой парней с оружием.

Я всегда ненавидела приходить сюда, но сегодняшняя ночь до ужаса похожа на ту, что случилась три года назад, когда я была уверена, что не уйду отсюда. По крайней мере, не со всеми конечностями.

Неуклюжий придурок впереди меня насвистывает зловещую мелодию из «Убить Билла» и совершенно ничем не помогает.

Тони выдерживает длинную паузу, оборачивается и злобно ухмыляется, хотя это заканчивается гримасой боли, от которой мне становится лучше. Кровь из носа прекратилась, но он до сих пор красный и опухший. Если бы Тони был умен, то отправился бы в больницу, и на этот раз все срослось бы правильно.

Если бы он был умен.

Я игнорирую его и пульсацию в руке, – место, где Тони слишком крепко сжал, – и сосредотачиваюсь на объяснении,

которое придумала по дороге сюда. Лучше всего, чтобы мой рассказ был расплывчатым и простым и привлек внимание Корсакова к тому, почему он ценит меня в первую очередь. Он всегда хвалил меня за интуицию.

На меня все смотрели. Это было небезопасно. Меня бы поймали.

Я разыграю карту Софи только в случае крайней необходимости.

– Это чей? – хмурится Пидж, глядя на белый внедорожник, припаркованный у двери.

Двое мужчин с каменными лицами сидят на передних сиденьях и смотрят, как мы проходим. От их взглядов волосы на затылке встают дыбом.

Тони беззаботно пожимает плечами. Кому бы ни принадлежала эта машина, они должны быть внутри, ведь без позволения Корсакова их бы здесь не было. Кроме того, все вооруженные охранники, окружающие этот склад, наверняка целятся в них.

Тони вводит секретный код, открывающий замок на стальной двери.

Я задерживаю дыхание, готовясь услышать голос Корсакова. Когда он злится, у него только одна громкость, и доносятся эти крики с другого конца огромного склада.

Вместо этого нас встречает тишина.

– Где все?

Ключи Пиджа звенят, покачиваясь на кончиках его паль-

цев, пока мы идем по коридору. По обеим сторонам от нас стоят высокие поддоны, полные продуктов, вилочные погрузчики простаивают.

– В офисе, – говорит Тони, а затем громче: – Мы вернулись и привели с собой твоего маленького хамелеона! – Эхо его гулко-го голоса – единственный ответ. Он замедляется. Наконец, большой тупица, должно быть, ощущает зловещий холодок, проскользнувший по моей коже, как только мы вошли внутрь.

Тони выпячивает подбородок в сторону Пиджа, и оба достают пистолеты. Пидж кивком головы приказывает мне встать позади него. Я не спорю. Я с радостью использую его как щит, пока ищу любую возможность сбежать.

Мое сердце стучит в ушах. Мы двигаемся к задней части здания, где дверь в офис оказывается приоткрытой. Пидж толкает ее, и она распаивается со скрипом.

Из моего рта вырывается беззвучный вздох.

Кабинет Корсакова представляет собой длинную узкую комнату без окон, заставленную шкафами, в которых хранятся десятки документов. Обычно здесь пахнет жженым черным кофе и тлеющим табаком.

Однако теперь тут пахнет *смертью*.

Тела разбросаны по полу, кровь из зияющих ран стекает на дешевый синий ковер. Алые брызги широкими дугами украшают тускло-бежевые стены, словно перед нами предстали картины со зловещей выставки произведений искус-

ства. Четверо мужчин, включая самого Корсакова, мертвы и лежат, распластавшись на спинах, с перерезанными от уха до уха шеями. А в центре бойни, скрестив ноги, в корсаковском кресле сидит женщина с медно-рыжими волосами, наблюдая за нами с насмешливой улыбкой.

И Тони, и Пидж поднимают оружие.

Софи двигается настолько быстро, что мой разум не улавливает летящие предметы, пока мужчины одновременно не бросают оружие и не сжимают предплечья, взвывая от агонии.

Мои глаза расширяются при виде парных кинжалов, торчащих из их запястий.

– Не стоит, – просто предупреждает она.

Не стоит драться, не стоит бежать... Просто *не стоит*.

Я не смогла бы, даже если бы захотела.

Мои ноги будто примерзают к земле.

Слабый стон заставляет меня взглянуть на пол. Корсаков еще жив, хотя я и сомневаюсь, что надолго. Он всегда казался мне непреодолимой силой: люди беспрекословно подчинялись его приказам, когда он использовал свой знаменитый угрожающий взгляд. Теперь же Корсаков не более чем беспомощное существо, истерзанное мечом, лежащим на столе и окрашивающим стопки бумаги в багровый цвет.

Люди до сих пор используют мечи?

– Кто ты такая, черт возьми? – выдавливает Тони сквозь стиснутые зубы. Кинжал попал точно в центр его правого запястья, чуть ниже ладони. Перерезал важные нервы, я уве-

рена.

– Та, с кем твой начальник не хотел вести переговоры. – Как и ранее в баре, Софи остается спокойной и собранной, ничего не боится. Она сменила изумрудное платье на obsидиановое – от шеи до пят. Роскошное одеяние лишь подчеркивает черноту ее волос. – Надеюсь, ты умнее, чем был он.

Тони и Пидж осматривают офис. Я предполагаю, они ищут доказательства того, что она не убила четверых вооруженных мужчин с помощью одного только меча. Возможно, это сделали те двое громил, сидящих во внедорожнике. Но скорость и точность, с которой Софи метала свои кинжалы, говорила об одном: она вполне способна на это и даже на многое другое.

Внутри все неприятно сжимается, когда я более внимательно осматриваю тела. Их оружие валяется на полу рядом с ними. Все мужчины вытащили пушки, но и это не помогло.

Даже тот последний огонек жизни в глазах Корсакова угас.

– О чем вы вели переговоры? – Внимание Тони задерживается на его старшем брате. Чувствует ли он утрату?

Тяжесть взгляда Софи, когда она смотрит на меня, заставляет мое сердце замереть.

– О ней.

Остерегайся демона с пылающими волосами. Она охотится за тобой.

Я выбрасываю из головы безумные предупреждения отца.

– Тебе нужна *она*? – В голосе Тони звучит недоверие. – Для чего?

– Это не твоя забота. – Крошечная понимающая улыбка искривляет ее губы, когда она вновь глядит на меня. – Скажем так, есть то, с чем мне может помочь лишь она.

Что я должна украсть для Софи? *Что же стоит всего этого кошмара?*

В моей памяти вертится наш разговор. Она ушла с благотворительного мероприятия, зная, что придет сюда, чтобы убить Корсакова? Вероятно, так и было. Если бы я приняла ее предложение и ушла с ней, оставила бы она их в покое?

Кто эта женщина?

Тони облизывает губы.

– Сколько ты предлагаешь за нее?

Итальянские замшевые мокасины Корсакова еще даже не остыли, а Тони уже пытается засунуть в них свои потные ноги. Поскольку все остальные мертвы, он, видимо, унаследует дело. Если выберется отсюда живым. Ведь то, как Софи его разглядывает, вызывает у меня подозрения, что Тони останется здесь навсегда.

– *За нее?* – Софи вскидывает голову. – Она не мул, чтобы ее покупать. Ясно, ты меня неправильно понял. Я предложила пощадить жизнь твоему боссу, если он освободит ее от долга перед ним, от чего он по глупости отказался. Теперь он мертв, и она больше не связана с ним. Я просто даю вам выбор: либо позволить нам уйти мирно, либо лишиться жизни.

Тони сердито смотрит на нее, и на мгновение мне кажется, будто он собирается броситься в атаку. Отчасти я даже надеюсь, что он это сделает.

– Не глупи, – умоляет Пидж себе под нос, поддерживая раненую руку.

– Отлично. – Тони насмехается надо мной. – В любом случае она бесполезная сучка.

Лицо Софи каменеет, ее глаза сужаются. Она обращает внимание на появляющиеся темные синяки, оставленные мясистыми пальцами Тони.

– Возможно, но не мне выбирать для тебя судьбу. – Софи встает и обходит стол, ее тонкая рука сжимает рукоять окровавленного меча. – Должны мы или не должны оставлять их дышать, Ромерия?

Мое сердце замирает. *Она знает мое настоящее имя.* Откуда она, черт возьми, знает мое настоящее имя?

– Что это будет? Жизнь, – Софи прижимает кончик лезвия к шее Тони, – или смерть?

Тони морщится, когда капля крови набухает на его коже в том месте, куда упирается острое. Его голубые глаза устремляются к моим, и к обычной смеси ненависти и гнева примешивается страх.

Я отворачиваюсь, не в силах справиться с последним. Тони мерзавец и мудака. Сегодня ночью он причинил боль беспомощному человеку без уважительной причины. Он хотел наблюдать за моими страданиями, даже желал моей смер-

ти. И определенно заслуживает того, чтобы лежать рядом с остальными бездыханными телами.

Мое внимание переключается на них. У Ирвинга дома осталась беременная девушка. Сыновья-близнецы Гэвина веселятся, прячась за забором и стреляя в ничего не подозревающих прохожих из водяных пистолетов. Марк с женой только что купили свой первый дом. Дочь Корсакова будет опустошена. Это люди, которых я бы никогда не назвала «хорошими», но их все равно будут оплакивать.

Я, может, и воровка, но никогда не стану убийцей.

– Отпусти их.

Софи выжидает несколько секунд, но потом с тяжелым вздохом опускает клинок.

– Она проявляет милосердие там, где я бы этого не сделала. Признаюсь, это качество, которым я одинаково восхищаюсь и которое ненавижу.

Тони и Пидж медленно и с облегчением выдыхают.

– Если у вас двоих есть хоть капля ума, вы останетесь здесь, пока мы не уйдем.

Тони трясется от ярости, но на этот раз у него хватает мозгов держать рот на замке.

Софи без опаски проходит мимо них.

– Пойдем?

Она будто приглашает меня выпить. Словно только что не зарезала четырех человек. Стоит ли спрашивать, согласна ли я работать на нее теперь, когда Корсаков мертв. Нет, не сто-

ит, ведь очевидно – эта женщина всецело намерена получить то, что хочет.

С Софи у меня не больше выбора, чем три года назад с Корсаковым. Я променяла одного убийцу на другого и должна смириться с этим фактом, пока не смогу уйти от нее.

Мы оставляем Пиджа и Тони с торчащими из запястий кинжалами в кабинете, полном трупов. Мои ноги словно принадлежат кому-то другому, шаг за шагом продвигая меня вперед. Каждые несколько секунд я украдкой оглядываюсь через плечо, ожидая увидеть там Тони с пистолетом, нацеленным мне в спину. Но дверной проем остается пустым.

Софи ни разу не оглядывается.

– Я предупредила их. Хотела бы я, чтобы они прислушались. – Она качает головой. – Но такие люди никогда этого не делают.

– Тони позовет парней, – хрипло говорю я. – Они пристрелят нас, как только мы выйдем за эту дверь.

– Мои охранники уже позаботились о них. Они больше не проблема.

Верно. Двое страшных верзил во внедорожнике. Я смотрю на меч в ее руке и на кровавый след, который он оставляет на бетоне.

– А кто позаботился о парнях в офисе?

Софи бросает на меня мимолетный взгляд.

– Какой ответ ты бы предпочла?

– Правдивый?

– Я еще ни разу не солгала тебе.

– Откуда мне это знать?

– Ты умная девочка, Ромерия. Полагаю, ты знаешь очень много. – Она тихо добавляет: – Больше, чем думаешь.

– Откуда ты знаешь мое настоящее имя? Тебе Корсаков сказал?

Мне кажется, что даже он не знает его, но чего Вигго не может узнать, достаточно мало. То есть не *мог* узнать.

– Малакай сказал мне. Он многое мне поведал, прежде чем послал за тобой.

Знаю ли я этого Малакаю? Встречала ли его? И почему он послал за мной Софи?

Я собираюсь задать этот вопрос вслух, когда Софи говорит:

– Я не причиню тебе вреда, но не пытайся убежать.

А вот и она – не слишком завуалированная угроза. Я могу пойти добровольно или нет, но я *пойду* с ней.

– Зачем все эти усилия? Почему ты просто не заставила меня уйти с тобой из отеля?

– Я думала об этом, – признается Софи. – Однако тогда у нас не было достаточно времени для развлечения. И я бы предпочла, чтобы ты пошла со мной по собственной воле, но было ясно, что ты чувствовала себя в ловушке из-за этого человека. – Она вздыхает, как будто говорит о ежедневных неприятностях, которые наконец с радостью оставила позади. – Я подумала, что, если помогу тебе с твоей проблемой,

ты, возможно, захочешь помочь мне с моей.

Я бы не назвала это собственной волей.

Наверное, это потому, что мой мозг затуманен от шока, но все происходящее не имеет никакого смысла. Я воровка. Умелая, конечно, но не более того. Я даже не могла защитить себя от Тони. Тем временем Софи и ее люди уничтожили крупный преступный синдикат за считанные минуты, не заработав ни единой царапины.

– Довольно очевидно, что ты можешь получить все, что пожелаешь, и без моей помощи, так чего же ты хочешь от меня?

– Дело не в желании, а в необходимости. – Софи поворачивается, чтобы встретиться со мной взглядом, и маска уверенности, которую она постоянно носит, на мгновение спадает. Мне хватает времени, чтобы заметить на ее лице нечто другое – проблеск отчаяния. – Мне нужно, чтобы ты спасла моего мужа.

3

– Я уверена, среди моих вещей для тебя найдется подходящая сменная одежда.

– Обойдусь.

Софи изгибает бровь, глядя на грязь и капли горчицы на подоле моего платья. Думаю, мне даже стараться бы не пришлось, чтобы отыскать там и следы крови Тони.

– Как пожелаешь.

Она переключает свое внимание обратно на газету, которую развернула, когда двигатели самолета заработали, подготавливаясь ко взлету, и с тех пор пролистывала страницу за страницей. Корсаков был единственным из моих знакомых, кто находил время прочитать целую газету, а не бегло просмотреть интересные заголовки.

Когда мы вышли со склада, вооруженных людей уже не было на своих постах, а два охранника Софи ждали во внедорожнике с окровавленными руками. Все мои мысли о побеге тут же испарились. Они не обменялись ни словом, просто кивнули Софи, когда она приказала отвезти нас в аэропорт.

Теперь они ютятся рядом с нами, закатав рукава своих черных рубашек, методично и аккуратно чистя и полируя целый арсенал клинков.

Кинжалы и мечи разной длины и формы – некоторые с

простой функциональной рукоятью, как у ножа, который я потеряла сегодня, другие с позолотой и драгоценными камнями – блестят на свету. У Скалли бы слюнки потекли. К стене кабины прислонен арбалет, рядом с ним – связка изящных колчанов.

– Ты не используешь пистолеты. – Эту внезапно пришедшую мне на ум мысль я не хотела озвучивать.

– Какой в этом азарт? – низким и хриплым голосом говорит мужчина, сидящий слева. Он делает паузу, чтобы впервые взглянуть прямо на меня, позволяя увидеть хищный блеск в его золотых радужках.

Хотя я никогда не была свидетелем, но знаю: Корсаков убивал людей. Он мог разозлиться из-за их предательства и обвинить *их* в том, что они *вынудили* его отомстить. Но позже, спустя недели после чьего-то исчезновения, он торжествовал. Я думаю, где-то *глубоко* внутри, несмотря на оправдания, убивать ему нравилось.

Я не вижу ни намека на раскаяние в глазах, которые сейчас смотрят на меня, и то, как они скользят по моей шее и груди, заставляет меня, закутанную шерстяным одеялом, сжаться.

Переключив свое внимание на маленькое окошко иллюминатора рядом с собой, я вслушиваюсь в постоянный гул двигателей. Далеко внизу меркнут огни города. Я никогда раньше не летала на самолете, не говоря уже о частном, и, когда белый внедорожник остановился рядом с ним, меня

это заинтриговало.

– Куда мы направляемся?

– Ко мне домой.

В Бельгию, если то, что она сказала мне раньше, правда. Несмотря ни на что, я чувствую, как улыбка касается моих губ.

– Тебе нравится эта мысль.

Софи выглядывает из-за газеты, пристально наблюдая за мной. Общительная, дерзкая женщина из бара исчезла. Она так хорошо следит за выражением лица и тоном, что я не могу распознать ее настроение.

– Я никогда не была в Европе. То есть я, конечно, планировала когда-нибудь поехать. – Корсаков требовал, чтобы я всегда была в пределах досягаемости, если только я не грабила кого-нибудь по его поручению, так что побег в Лондон или Рим не представлялся хорошим вариантом. По правде говоря, я думаю, он беспокоился, что если я уйду, то уже не вернусь.

Все еще не могу поверить, что он мертв. Любви я к нему не испытывала, но мне было важно, что он ценил меня. Кто знает, что я почувствую, когда пройдет шок. Будет ли это что-то кроме облегчения?

– Не бойся. Скоро ты увидишь *много* новых мест. – Софи выглядывает из собственного окошка. – Я не покидала родной Париж, пока мне не исполнился двадцать один год – в том же возрасте, что и ты сейчас. Тогда я встретила Элайджу.

Он хотел показать мне мир.

И все же он никогда не был в Нью-Йорке?

Софи знает, сколько мне лет. Вернее, человек, который ее послал, знает.

– Так ты работаешь на Малакайя? – Произнесение этого имени вслух не помогает вспомнить, знакома ли я с ним.

– Я служу ему, да. Скоро все обретет смысл. – Она делает паузу. – Ромерия – красивое имя. Уникальное.

Я сглатываю, преодолевая волнение. Прошли годы с тех пор, как я отзывалась на свое настоящее имя. Это было словно в прошлой жизни.

– Просто Роми.

– Интересно, почему твои родители выбрали его, – размышляет Софи так, будто у нее уже есть идея.

– Они никогда не говорили мне, – лгу я. Моя мать как-то сказала, что имя пришло к ней во сне однажды ночью, еще до моего рождения.

– Ты знала, что по-испански оно означает «паломница»?

– Нет. Я уверена, это совпадение. – Сомневаюсь, что мои родители смогли бы связать между собой десять испанских слов.

– Та, кто путешествует в чужие земли, – произносит она так, словно цитирует определение, все еще не обращая внимания на свое окно.

– Типа Бельгии?

Ее губы сжимаются.

– Хотя испанская версия, скорее всего, будет иметь религиозный подтекст. Было время, когда человек регулярно совершал длительные духовные путешествия в поисках истины и смысла, а также чтобы делать подношения своему богу. – В ее голосе слышится насмешка.

Но именно ее выбор слов заставляет мои брови приподняться.

– *Человек?*

– Занятная вещь – то, что мы делаем во имя наших богов и ради собственного спасения. Ты знала, что они сжигали женщин на костре, называя их ведьмами и дьяволопоклонниками?

Мой желудок сжимается.

– И поныне остаются те, кто ищет правду, которую не видят. Правду, которой страшатся. Они убивают во имя своего бога, делая его работу. – Софи отходит от иллюминатора, пронзая меня своим острым взглядом. – Но тебе это уже известно, не так ли?

Я уже знаю, куда Софи так плавно ведет этот разговор.

– Твоя мать...

– Мертва. – Мой пульс стучит в ушах, и, когда она смотрит на меня, я бросаю ей ответный вызов.

Лишь легкое подергивание бровей Софи намекает на реакцию на мою ложь.

– Вижу, я нашла слабое место в твоей обороне. Значит, ты не поддерживаешь ее дело?

Она знает о моей матери. Конечно, она, черт возьми, знает.

Я стараюсь сохранить нейтральное выражение лица. Выход из себя только раскроет мою уязвимость.

– Ты имеешь в виду ее сумасшедший культ?

Все начиналось достаточно безобидно – с приглашения на групповой сеанс психологической помощи в церковном подвале, предназначенный для утешения людей, переживших утрату. *Утрата*. Вот на что это было похоже. Даже несмотря на то, что мой отец был жив.

Весь наш мир перевернулся с ног на голову, и я с облегчением обнаружила, что у мамы появились новые друзья. Однако в течение нескольких недель наши разговоры стали принимать странный характер. Она начала задаваться вопросами, действительно ли демоны и ведьмы существуют и было ли то, что видел мой отец, правдой.

Вскоре разговоры перешли к шепоту о существах, живущих среди нас и прячущихся у всех на виду. Правительство, по ее словам, скрывало правду, а ведьмы, маскирующиеся под медсестер, похищали новорожденных младенцев из родильных домов. Мама даже утверждала, будто видела доказательства магии, хотя, когда я настаивала, ее объяснения звучали скорее как расплывчатые загадки, нежели что-то похожее на правду.

Разговоры о заговорах, колдовстве и чудовищах занимали каждую минуту ее бодрствования. Мне было четырнадцать,

и я не понимала, что питает эти растущие заблуждения, но я уже потеряла одного родителя из-за демонов в его голове и боялась, что могу потерять второго.

Мама уезжала каждый день, проводила свободное время в старой баптистской церкви, которую купила эта группа, называвшая себя Народными стражами. Мы и так едва выживали, полагаясь на продовольственные талоны, бесплатные столовые и секонд-хенды, но она все равно отдавала им все наши деньги. Я не удивилась, когда мама объявила, мол, мы переезжаем в ветхое здание, которое Стражи купили для своего растущего «сообщества» в ходе подготовки к грядущей войне со злом. Я кричала и ругалась, говорила ей, что не пойду, что убегу. Она упрямо стояла на своем.

«Я найду правду», – пообещала она мне.

Мне хотелось ей верить.

В течение нескольких недель я ела и спала под крышей Стражей, слушая, как эти люди, отмеченные татуировкой в виде двух сцепленных полумесяцев на подушечке большого пальца – знаком «ученика», говорят о потусторонних силах и распространении зла, скрывающегося в обличии человека.

Все происходящее было настолько удивительным, что часть меня начала задаваться вопросом, есть ли в этом правда. Это объяснило бы то, что видел мой отец, но не то, что случилось с ним потом.

Моя мать в этих стенах была в своей стихии. Она быстро поднялась в звании. Я не знала, какова ее роль, но она боль-

ше не работала в продуктовом магазине, и все называли ее «старейшиной», когда она говорила.

Она обещала, что я увижу правду. Так и случилось в ту ночь, когда она отвела меня в лесную чащу за городом. Я стала свидетелем того, как она и другие Стражи привязали «ведьму» к столбу на куче сухих веток и зажгли спичку.

Той ночью я сбежала.

В каком-то смысле с тех самых пор я всегда куда-то бегу, уносясь прочь от того, что сделала моя мать. И чего *не* сделала я.

Я и по сей день слышу вопли той женщины в своих снах.

– А твой отец? Он тоже *мертв*? – спрашивает Софи насмешливым тоном.

Упоминание об Эдди напоминает мне о нападении Тони. Элтону пришлось вызывать скорую помощь.

– Нет, но он болен.

– А что с ним?

– Разве ты еще не знаешь?

В какую игру она играет?

Через мгновение Софи кивает, подтверждая мои подозрения.

– Итак, ты выросла в окружении разговоров о демонах, и все же ты не веришь в них.

– Думаю, это хорошо, что у меня верное понимание реальности, нежели у обоих моих родителей. – Плюс всепоглощающий страх не стать такой, как они.

– Вероятно, да. – Снова этот любопытный тон. Но Софи не предпринимает новых попыток допроса на эту тему, однако и соболезнаваний не выражает. – Как же ты ступила на эту дорожку, выбрала дело своей жизни?

Я пожимаю плечами.

– Одно за другим, знаешь ли. – *А еще мне нравится не голодать.*

– Ты не желала завести новую семью, дом? Нормальную жизнь?

– Моя жизнь никогда не будет нормальной.

Я подумывала обратиться в полицию после той роковой ночи в церковном подвале, но у меня не было никакой веры в систему, которая уже подвела моего отца. Я боялась, что мне не поверят или, еще хуже, заставят вернуться к матери. Я отказывалась всякий раз, когда работники приюта для подростков задавали вопросы: *«Как тебя зовут, милая? Где ты жила раньше? Что ты можешь рассказать о своих родителях?»* Я знала, что они просто пытались помочь, но анонимность позволяла мне чувствовать себя в большей безопасности. А потом я встретила мошенницу Тэррин. У нас были грандиозные планы переехать в Лос-Анджелес и жить в фургоне у океана, пока ее не арестовали, а меня не затащили в кузов внедорожника головорезы Корсакова.

Последние несколько лет я двигалась к чему-то, что отдаленно напоминало «нормальное». Я получила аттестат и пошла на художественные курсы. Буквально на прошлой неде-

ле я присматривалась к программам в местном колледже. Так поступают *нормальные* двадцатиоднолетние люди.

Я продолжаю выдавать Софи информацию о себе – которую она каким-то образом уже знает – и почти ничего не получаю взамен.

– Так твой муж в тюрьме?

– Вроде того, – загадочно произносит она.

– Я ничего не знаю о том, как вызволить человека из тюрьмы, если только тебе не нужно, чтобы кто-то украл ключ, с чем, я уверена, вполне справится один из них. – Я киваю в сторону ее устрашающего отряда.

– Может, тебе следует выставлять себя в более выгодном свете? Полагаю, ты обнаружишь, что это в твоих интересах. Люди, как правило, дольше сохраняют жизнь тем, кто представляет для них ценность.

Не могу понять, урок это или угроза.

– Я просто не понимаю, почему ты выбрала меня.

– Я не выбирала тебя. Малакай выбрал.

– Но почему? – *И кто этот человек?!*

– Признаюсь, я и сама не совсем понимаю. Я переживала. Однако ты произвела на меня впечатление, особенно для человека твоего возраста.

– Тебя впечатляет моя способность воровать?

– Это единственное достоинство, которое ты в себе видишь? – Софи склоняет голову набок, ее внимание скользит по моим длинным черным волосам. Они были шелкови-

стыми, словно вороново перо, в начале вечера, но мелкий дождь все испортил. – Ты, безусловно, опытна. Настолько опытна, что можно сказать, будто кто-то благословил тебя божественным талантом.

– Я почти уверена, что существует запрет на мой талант. – Хотя иногда я сама себе удивляюсь, как легко у меня получается присваивать себе вещи чужих людей.

Софи ухмыляется.

– Я вижу проницательную молодую женщину, которая научилась выживать и приспособливаться, несмотря на то, что ее предали и бросили самые близкие ей люди. Женщину, которая с великолепной точностью оценивает свое окружение и с должной осторожностью относится к опасностям, но у которой есть сила духа, чтобы не терять рассудок даже в самых рискованных ситуациях. Женщину, которая знает, когда у нее нет другого выбора, кроме как сделать все возможное в сложившихся обстоятельствах. Все это сослужит тебе хорошую службу.

Мои щеки краснеют. Я не привыкла получать комплименты. Не могу вспомнить, когда это произошло в последний раз. Однако я не упускаю скрытый смысл – что бы Софи ни запланировала для меня, выхода нет.

– Я встречалась с ним? С Малакаем?

– Нет, но, возможно, еще встретишься.

Софи увिलивает, а значит, ей есть что скрывать. Другой вопрос слетает с языка:

– А что будет после того, как я помогу тебе освободить мужа?

– Твоя задача будет выполнена.

– И я не буду тебе должна? Ты отпустишь меня?

Я не смогу вернуться к своей жизни в Нью-Йорке. Только не при живом Тони. Может быть, мне следовало позволить Софи убить его.

Что-то непреклонное мелькает в ее глазах.

– Это я буду у тебя в долгу. В неоплатном долгу.

Это словно отголосок того, что я говорила ей раньше о Корсакове.

– Но выбора у меня нет.

– Нет. – Ее голос становится жестким. Словно мысль о том, что я могу отказаться помочь, приводит ее в бешенство. Однако это имеет смысл, если на кону стоит жизнь ее мужа.

Звук лезвия, скользящего по ножнам, привлекает мое внимание к желтоглазому мужчине. Он убирает меч Софи после чистки, а я почему-то вижу в этом жесте невысказанное предупреждение.

Я нервно сглатываю.

– Ты можешь хотя бы...

– Все будет понятно, когда придет время. Но оно еще не пришло. – Софи переключает свое внимание обратно на газету, встряхивая страницы.

Как бы мне ни хотелось надавить, воспоминания о Корсакове и убитых наемниках все еще свежи в памяти. Я глубже

закутываюсь в шерстяное одеяло и наблюдаю, как мир внизу погружается во тьму, гадая, как долго мне придется выжидать, прежде чем я смогу улизнуть от этих безумцев.

Затем каким-то образом мне все-таки удастся отвлечься.

* * *

– Ты живешь *здесь*?

– Oui⁶.

– Но это, типа, настоящий *замок*. – Построенный на вершине холма, возвышающегося над очаровательным старым городом, с каменными стенами и железными воротами, брусчаткой и башнями, увитыми плющом и увенчанными шпилями, парящими высоко над нами.

– Oui. Это наше шатó⁷. Мое и Элайджи.

Знаю, что уже должна искать пути к отступлению, и все же я очарована видом. Медленно повернувшись, я рассматриваю просторный двор в средневековом стиле, и здесь нет ничего, кроме черного автомобиля, в котором мы прибыли, и одинокого полосатого кота, сидящего на лестнице и хлопающего по ней лапой. Охранники-убийцы исчезают в отдельном здании чуть меньшего размера, прихватив с собой сум-

⁶ «Да» (фр.)

⁷ Шатó – принятое во Франции название загородного усадебного дома высшей аристократии и вообще дворянства, часто с парком и винодельческим хозяйством.

ки со смертоносным оружием.

Я замечаю маленькую дверь рядом с воротами, которая, кажется, является выходом в город.

Для места подобного размера здесь должно быть что-то еще. Я не вижу камер наблюдения, но это не значит, что их нет.

За воротами в город кипит жизнь, но внутри этих стен тишина, за исключением шелеста увядающих листьев, опускающихся на камни.

– Сколько лет этому месту?

– Оригинальное здание пятнадцатого века.

У меня отвисает челюсть, когда я быстро подсчитываю. Это история почти шести столетий. И сколько стóбит такое место? Я предполагала, что Софи и ее муж богаты и влиятельны – частный самолет и телохранители-убийцы более чем намекали на это – но владеть замком...

Мелодичный смех Софи разносится в жуткой тишине. Такое обычное действие смягчает ее черты и делает менее устрашающей.

– Приятно видеть твою реакцию. Моя была почти такой же, когда Элайджа впервые привел меня в Монтегард и сказал, что это станет нашим домом. Мы уехали из Парижа довольно внезапно и... – Она замолкает, ее улыбка становится печальной. – Ну, это было давно. Надеюсь, он так же оценит эту красоту, когда наконец увидит ее снова.

– Как давно его нет? – С тех пор, как встретила ее про-

шлой ночью, я почти не получила никакой информации, но Софи сказала, что познакомилась со своим мужем, когда ей был двадцать один год, а ей не может быть больше тридцати.

– Слишком давно.

Еще один расплывчатый ответ, который не дает мне ни единого кусочка, чтобы я могла добавить его к головоломке по имени Софи.

Она щурится, глядя вверх, будто ищет что-то в безоблачном голубом небе. Сейчас ранний полдень, и здесь холоднее, чем в Нью-Йорке, когда мы вылетали из него. Ветер приносит пронизывающий холод, поэтому я благодарна за свитер и джинсы, которые нашла сложенными на соседнем сиденье после пробуждения.

– Следуй за мной. – Софи идет к тяжелой деревянной двери, ее каблуки звонко стучат по неровной брусчатке.

– Итак, когда мы вытащим его из этой тюрьмы?

Софи больше не давала мне намеков на то, что значит «спасти ее мужа». Можно только предположить, что это не так просто, как снять бриллиантовое кольцо с шеи женщины.

– Скоро. Пойдем, я должна подготовить тебя.

– Оуі, – следуя за ней, тихо передразниваю я, мысленно благодаря за обувь без шнурков.

4

– Как ты вообще можешь что-то видеть?

Я упираюсь рукой в каменную стену и спускаюсь вслед за Софи по крутой извилистой лестнице. Ступени ненадежные и неровные, а фонарь в моей руке дает мало света.

– Я спускалась сюда так много раз, что могла бы сделать это с завязанными глазами.

Войдя в замок Софи, я будто попала в прошлое, в эпоху свечей и бальных платьев, широких лестниц и замысловатой лепнины, высоких потолков и величественных залов – всего того, что я видела лишь в кино или о чем читала в книгах. Я никогда не представляла, будто кто-то может так жить в нынешнее время.

Воздух казался холодным и спертым, пока Софи вела меня дальше, и наши шаги звучали устрашающе. Эмоции переполняли меня, и я впитывала каждую деталь: мрачные лица, написанные маслом в позолоченных рамах; доспехи, стоящие на страже; старинные вазы на пьедесталах, которые выглядели одновременно древними и ценными.

Мне удалось лишь мельком взглянуть на длинную галерею комнат, прежде чем Софи поманила меня за собой. Мое разочарование из-за того, что я не прошлась по всему замку, возросло.

Чем дальше мы спускались, тем очевиднее становилось,

что мы входим в более темную, самую старую часть величественного дома Софи, где пахнет сырой землей и старостью. Это напоминает мне, что я здесь вовсе не в отпуске, а с определенной целью, которую еще не понимаю, но которой следует опасаться.

– Что внизу?

– Мы под главным замком, здесь расположены кладовые и хранилище.

– И подземелья?

Она ведет меня в камеру, словно собаку, что гонится за свиной отбивной?

Смех Софи отзывается эхом.

– Если бы я захотела посадить тебя в клетку, ты бы уже направлялась к северной башне. Туда часто сажали пленных.

– Звучит гостеприимно.

Я заметила, что Софи обладает сверхъестественной способностью отвечать на мои невысказанные мысли.

– Лучше, чем виселица или костер. – Я слышу улыбку в ее голосе. – Хотя важным пленникам часто предоставлялась полная свобода действий в стенах замка, и условия проживания были весьма гостеприимными. Тем не менее их удерживали в течение многих лет, и они не могли уйти, если только не позволит лорд.

Я чувствую облегчение, когда мои ботинки касаются пола.

– Это подвал. – Один за другим факелы загораются вспышками пламени, освещая коридор, простирающийся

настолько далеко, насколько хватает глаз. Массивные колонны стоят, точно шеренги солдат, по обеим сторонам, поддерживая огромный замок. Высоко над нами каменный потолок переходит в широкие арки, которые приковывают мой восхищенный взгляд.

Пока мы проходим мимо, я изучаю крепления из кованого железа, прикрученные к каждой колонне. Здесь явно нет электричества, и каждый факел горит настоящим пламенем.

– Как они зажглись?

– С помощью огня.

Для женщины, которая настаивает на том, что не лжет мне, Софи умеет избегать правды.

Пол твердый, утрамбованный и приглушает наши шаги, пока Софи ведет меня вперед. Время от времени я краем глаза ловлю суетливое движение, которое заставляет меня вздрагивать. Я видела много крыс, бродящих по переулкам и улицам городов, но так и не привыкла к ним.

– Что тут произошло? – Я киваю на груды каменных обломков.

– Этим стенам сотни лет. Они требуют постоянного ремонта. Это один из недостатков содержания такого дома. – Она вздыхает. – Если бы Элайджа его так не любил, я бы давно избавилась от замка.

Каждый раз, когда Софи говорит о своем муже, создается впечатление, будто она не видела его целую вечность.

– А это? – Я указываю на залатанную неровную стену. –

Тоже разрушилось?

– Нет. Это был секретный вход в первый замок, оставшийся в руинах после великой битвы. Лазутчики взобрались на холм и проникли через это самое место. Когда маркиз начал восстанавливать замок, то закрыл этот вход, опасаясь, что слишком многие знают о его существовании. Но в конце концов он отказался от своей задумки и переехал в другое место. Этот замок в его нынешнем виде не был закончен в течение еще шести десятилетий.

– И кто закончил его реконструкцию?

– Граф Монтегард, как его звали в то время. – Софи улыбается, словно это имя вызывает у нее приятные воспоминания. – Получилось намного грандиознее, чем оригинал или даже переработанный дизайн маркиза.

Меня переполняет восторг, когда Софи начинает небрежно рассказывать подробности о восстановленном замке: двухуровневая библиотека в западном крыле, в которой хранится коллекция редких книг Элайджи; большой бальный зал, где когда-то играли несколько известных композиторов; обнесенный стеной сад на южной стороне, который летом уступает место двухсотлетней лозе глицинии.

Несмотря на ужасную ситуацию, оказавшись в ловушке, я не могу ничего с собой поделаться – я заморожена. Кажется, будто я попала во времена королевской власти и обаяния старого мира. Годами – между бегством от матери и попыткой построить собственную жизнь – большую часть времени

я пропадала в публичной библиотеке, где было тепло, безопасно и тихо. Я сбегала от внешнего мира в выдуманный, который рисовал жизнь, подобную той, что когда-то творилась в этих разрушенных стенах.

Серый полосатый кот перебегает мне дорогу, отчего я спотыкаюсь. Он исчезает в отверстии в маленьких железных воротах.

– Куда оно ведет?

– На выход из сада с этой стороны, но если ты пролезешь по узкому коридору до самого верха, то окажешься в хозяйской спальне.

– Секретный проход. – Мой голос дрожит от предвкушения.

– Безусловно, вор был бы очарован подобными проходами больше всего. – Она ухмыляется. – Эти замки всегда строились с расчетом на побег. В королевских покоях часто был путь к отступлению. Обычно его прятали за книжным шкафом, гобеленом или статуей. Иногда это был люк под ковром. А порой проход был более сложным. В моей комнате имеется механизм, открывающий панель в стене рядом с камином.

– Это так здорово, – выпаливаю я, и всякое подобие спокойствия исчезает. – А можно провести меня через них позже?

Улыбка Софи – мимолетное дрожание губ.

– Сюда. – Она идет вперед, и я не могу не заметить, что

ее энтузиазм постепенно угасает. – Малакай дал мне очень мало времени на объяснения, Ромерия, так что, пожалуйста, *слушай* внимательно. Слушаешь?

– Да. И называй меня Роми. – Ее вопрос заставляет меня почувствовать себя больше капризным ребенком, нежели талантливой воровкой, от которой, как она настаивает, все зависит.

– Тебе будет поручено отыскать нечто очень ценное. Камень. Он расположен в священном саду, куда посторонние не допускаются.

Значит, мне все-таки нужно что-то украсть.

– На что он похож?

– Узнаешь, когда увидишь. Священный сад охраняется, и есть только один вход.

– Кем охраняется?

Софи колеблется.

– Своего рода солдатами.

Я удивленно приподнимаю брови.

– Солдатами? – Я имела дело только с обычными охранниками и вышибалами.

– Тебе придется заслужить право войти туда. Это займет некоторое время.

– И ты собираешься их отвлечь, верно? – *Своим смертоносным мечом и кинжалами.*

– Я доставлю тебя туда, но пойти с тобой не смогу. Единственная помощь, которую могу предложить, это оно. – Со-

фи снимает кольцо с пальца и долго смотрит на него, а после берет меня за предплечье, ее ногти впиваются в мою плоть, пока она надевает кольцо мне на палец. – Ни в коем случае не снимай его.

Броский камень светлее, чем я себе представляла. В нем должно быть какое-то устройство слежения, хотя я не знаю, как оно мне поможет.

– И когда нужно это сделать?

– Сегодня ночью.

Мой рот приоткрывается от шока.

– Ты с ума сошла? – *Сегодня ночью!* – Мне нужна как минимум неделя, чтобы обследовать место, а может, и больше. Я должна проверить входы и выходы, номера, смены...

– Это должно случиться сегодня вечером! – кричит она, и всякое подобие самообладания исчезает с ее лица.

Это может означать только одно: *иначе ее муж умрет.*

Я начинаю понимать, почему она сама не вернет этот камень – потому что это идиотская затея, которая наверняка приведет к тому, что меня убьют.

Софи глубоко вдыхает, и когда она снова заговаривает, то вновь владеет собой.

– Я хотела бы лучше подготовить тебя, но у нас нет времени, и я боюсь, что никакой план не поможет ситуации, в которой мы обе оказались.

Она снова говорит загадками. Мне нужны конкретные ответы, дабы у меня появилась надежда на то, что я справлюсь.

– Куда *именно* я направляюсь?

– В Цирилёю, это в Илоре.

– Никогда не слышала. – Не то чтобы я специалист по европейской географии.

– Мало кто слышал. Это далеко отсюда.

– И как мы туда попадем? На самолете, я полагаю?

– Я отведу тебя туда. – Софи останавливается перед широкой деревянной дверью, обитой железными прутьями. – Как только ты заберешь камень, Малакай обеспечит тебе свободу.

– Как? – *Я даже не знаю, как он выглядит.*

– Ты узнаешь, когда придет время. – Софи дергает за ручку, и дверь со скрежетом распаивается. Впереди зажигается единственный факел, заливая стены тусклым светом.

Я обещаю себе, что непременно выясню, как Софи их зажигает.

– Что это за комната?

– Мое святилище. Где я держу то, что мне дороже всего.

С порога я вижу лишь еще больше таких же полуразрушенных стен. Впереди земляной пол сменяется брусчаткой. Огромный камень прямоугольной формы расположен в центре. Рядом стоит гораздо меньшего размера столик.

Софи идет к камню. Ее пальцы скользят по поверхности, пока она медленно обходит его, погруженная в свои мысли.

– Я ждала этого дня целую вечность, – шепчет она умоляющим тоном. – Ты не можешь потерпеть неудачу.

Могу дать руку на отсечение, что я потерплю неудачу, но Софи предупредила меня, чтобы я изображала из себя более ценного человека, поэтому держу эту мысль при себе. Что произойдет, если я-таки не справлюсь? Что будет делать такая женщина, как Софи, – избавляющаяся от мужчин, словно они лишние ветки на кустарнике-скульптуре, в странной и весьма извращенной попытке завоевать мое доверие, – если я не принесу ей этот камень?

Впрочем, мне, наверное, не о чем беспокоиться. Эти солдаты убьют меня раньше, чем у нее появится шанс.

Но даже когда тяжесть надвигающейся гибели прочно оседает на моих плечах, в душе пульсирует знакомое волнение. Хотела бы я сказать, что чувствую лишь вину за воровство, однако существует и часть меня, которая питается вызывающим привыкание адреналином, что выплескивается вместе с вызовом. Так было всегда.

Мне бы удалось даже убедить себя, будто это благородное дело – я спасаю жизнь человеку. Как именно, я так и не поняла. В плане Софи отсутствуют важные детали.

Я пробираюсь вперед.

– Значит, если я достану этот камень для Малакая, ты вернешь своего мужа?

– Оуі. – Софи протягивает руку, чтобы осторожно коснуться чего-то, чего я не вижу. – Он вернет его мне.

– Малакай держит его в заложниках?

– Вроде того.

Я ожидала, что такая женщина, как Софи, захочет убить человека, держащего в заложниках ее мужа, но то, как Софи говорит о Малакае... Кажется, что она его обожает.

Любопытно посмотреть, к чему так приковано внимание Софи, и я подхожу ближе.

Внутри все сжимается.

В выдолбленном центре того, что, как я теперь понимаю, представляет собой огромный гроб, лежит мужчина. На вид ему за тридцать, он высокий, с волнистыми волосами цвета черного кофе и гладко выбритым квадратным подбородком. Он одет в темно-синий костюм, который выглядит новым, сшитым на заказ.

– Кто это? – спрашиваю я, хотя боюсь, что уже знаю.

Что мне дороже всего.

Софи проводит костяшками пальцев по его губам.

– Это мой дорогой Элайджа.

– Я не понимаю, – запинаясь я, даже когда на меня накапывает холодное осознание. – Он мертв.

– Он *не* мертв! – Ее зеленые глаза полны ярости, когда она смотрит на меня, готовая броситься в атаку. – Он в ловушке, и *ты* сможешь мне его освободить.

Тогда все становится понятно: срочность, план, о котором она поведала мне лишь урывками, этот таинственный Малакай.

Софи сошла с ума.

подавив растущую панику, я медленно отступаю. Ее глу-

бокий злой смех эхом разносится по помещению.

– Ты действительно считаешь меня сумасшедшей? Думаешь, ты видишь что-то, чего не вижу я?

– Честно говоря, я не понимаю, что вижу. – Помимо опасной женщины, которая пребывает в состоянии скорби и отрицания.

Как давно умер Элайджа? Не может быть, что давно. Она оставила его тело здесь, пока отправилась за мной?

– Но ты *видишь*. – Ее глаза сужаются. – Ты знаешь правду уже много лет, Ромерия. Просто отказываешься принять ее.

Она сказала нечто подобное прошлой ночью, на складе.

– О чем ты говоришь?

Софи обходит гроб и направляется ко мне. Я инстинктивно отодвигаюсь назад, к дверному проему. Мне нужно выбраться из этого склепа сейчас же. Она безоружна, а я быстра. Если я сейчас побегу...

За моей спиной раздается громоподобный удар, и все погружается в кромешную тьму, где горит единственный факел. Софи поднимает руку, и на кончике ее указательного пальца вспыхивает пламя.

– Как ты это сделала? – Я ищу в ее ладони спрятанную зажигалку или спичку.

– Полагаешь, это какой-то дешевый салонный трюк, не так ли?

Я ошеломленно смотрю, как пламя перескакивает на кончик ее среднего пальца, затем на безымянный. Оно движется

вперед и назад, точно прилив, от пальца к пальцу, а яркое отражение танцует в изумрудных глазах Софи.

– Правда прямо перед тобой, а ты по-прежнему ищешь причины не верить. Малакай предупреждал меня о тебе.

Она взмахивает рукой в сторону стены. Как и в главном коридоре, каждый факел вспыхивает огнем. Мои глаза расширяются, когда я вижу залитую светом комнату. На окружающих гроб четырех сливающихся с камнем колоннах теперь виднеется искусная резьба.

– Ты *так* уверена, что Эдди страдает бредом? – Софи кладет ладонь на столб рядом с собой.

Кровь приливает к голове, когда я смотрю на парящее существо, высеченное в камне, – человеческую форму, и все же не человеческую. Он такой же, как описал его мой отец, вплоть до змеиных глаз и длинных извилистых черных рогов, торчащих из лба, каждый из которых закручивается трижды, прежде чем сузиться в заостренные концы.

Но нет... это все часть какой-то дурацкой игры, в которую играет Софи. Она знала о моем отце. Ничто не мешало ей узнать о его галлюцинациях. Отец не осторожен в том, что говорит. Я уверена, что каждый, кто хоть раз гулял по Бродвею, слышал о демоне с черными рогами.

– Папа болен. Он не знает, что видел...

– Он не болен. Просто его разум помутился.

– Я не вижу разницы.

Софи вздыхает.

– Конечно. Человеческий мир не видит различий.

И вот снова, она говорит о *людях* так, будто существует кто-то еще, помимо них.

– В чем ты пытаешься меня убедить? Что это чудовище настоящее и мой отец может его видеть?

– Это не чудовище. – Она смотрит на рогатое создание, вырезанное в камне. – Это Малакай, один из четырех Судеб, которые создали все, что у нас есть, и все, чем мы являемся. Люди назвали бы их богами. И я не пытаюсь тебя ни в чем убедить, Ромерия, поскольку знаю, что это безнадежное дело. Стены, которые ты выстроила вокруг себя, чтобы выжить в этом мире, слишком прочные. То, что ты даже не осознаешь, *что* ты такое, меня восхищает. Впрочем, я не должна удивляться, учитывая, что ты росла в их мире. Откуда ты могла узнать что-то другое? – Она ухмыляется. – Люди такие ограниченные существа. Точно маленькие рабочие муравьи, размножающиеся и строящие свои маленькие города и свою никчемную жизнь. Они думают, будто все крутится вокруг *них*, что оно должно существовать только в том случае, если *они* станут властвовать. Они убивают во имя своего бога, считая его *единственным* истинным богом, а всех остальных – ложными или злыми. – Софи усмехается. – Я *могла бы* сказать тебе, что люди на самом деле являются низшими созданиями и что среди них ходят *гораздо* более великие существа. Я *могла бы* сказать тебе, что мир, созданный ими, является лишь фасадом действительно существующего. Я *мог-*

ла бы заставить пламя плясать на моих пальцах, а величественный дуб вырасти из семени прямо на твоих глазах, но ты бы *все равно* сомневалась. – Что-то зловещее мелькает в ее глазах. – Однако скоро ты сама все увидишь, и у тебя не будет выбора, кроме как поверить.

Она спятила.

Софи говорит как моя мать. Правда, члены культа вовсе не видят себя маленькими муравьями, работающими на износ. Они думают, что станут спасением мира. Между тем Софи, кажется, считает себя совсем не человеком.

Остерегайся демона с пылающими волосами. Она охотится за тобой.

Я всегда отрицала маниакальные бредни отца, никогда не позволяла им задерживаться в моей голове. Но теперь я ловлю себя на том, что произношу их вслух.

– Ты демон? – Мой голос звучит натянуто, чуждо.

Ее губы дергаются.

– Некоторые называли меня так. А другие подожгли бы и насладились бы моими криками. Как тебе хорошо известно.

Я зажмуриваюсь от пробуждающихся воспоминаний. Софи утверждает, что она ведьма?

– Почему ты так со мной поступаешь? – Она будто вытаскивает каждую болезненную часть моего прошлого и выкладывает их на стол, дабы снова и снова пронзать кончиком своего лезвия.

– Ты задаешь не те вопросы. – Софи качает головой. – У

меня нет времени убеждать тебя в том, что я говорю правду, Ромерия, но знай, что правила мира, к которому ты привыкла, вот-вот изменятся. – Пламя в факелах мерцает и разрастается, достигая потолка. – Кровавая луна близко. У меня есть лишь один шанс, чтобы доставить тебя, куда нужно, и я не упущу его. Я слишком долго ждала. – Она подбирается ближе, точно леопард, выслеживающий свою добычу. – Пожалуйста, помоги мне вернуть Элайджу. Я навеки останусь у тебя в долгу.

Софи сказала, что не может пойти со мной в этот Илор. По крайней мере, это хорошая новость. Чем раньше я ускользну от нее, тем быстрее смогу очистить свой разум от иллюзий, которыми она насильно пытается меня накормить, и тем скорее смогу сбежать.

Софи держит в руках предмет – я не видела, как она его достала.

– Нам это понадобится.

– Что это?

– Подарок от Малакая.

Предмет длинный, изогнутый и гладкий, как черный обсидиан. Один конец зазубренный, словно это отломанный кусок чего-то большего.

Думаю, это часть рога животного.

Я отодвигаюсь, осматривая комнату в поисках другого выхода. Мое сердце замирает, когда я вижу сложную резьбу на другой колонне: существо женского пола с тонкими изгиба-

ми и величественной короной из рогов. Одевание этого существа окрашено в золото и мерцает в свете костра.

– Это... как... – запинаясь я.

Найди Позолоченную Лань.

Именно это прокричал мой отец. Он начал говорить о ней что-то еще, но не успел закончить, потому что Тони напал на него.

Мои мысли бегут в разных направлениях, но я не могу найти точку опоры ни в одном из них.

– Слушай меня внимательно, Ромерия. – Софи сокращает расстояние, держа в руке странный черный осколок. – Ты собираешься войти в мир, не похожий на тот, к которому привыкла. Крайне важно, чтобы никто в Илоре не узнал о твоей истинной личности. Им нельзя узнать о поисках Малакая. Ты должна будешь использовать свои навыки, дабы слиться с остальными, как делала это до сих пор. – Она сжимает мою руку, держа ее между нами. – И ты не должна снимать это кольцо ни по какой причине. Это единственная защита, которую могу дать тебе, однако я верю, что благодаря ей и твоему разуму ты сможешь выжить. Но, если они узнают, кто ты такая, поверь, – они не оставят тебя в живых.

Она сказала это уже дважды.

– Кто я такая?

Софи колеблется.

– Неважно. Все, что имеет значение, – это возвращение камня. Скажи мне, что ты все поняла, – умоляет она.

Я в оцепенении киваю, ее слова застревают в голове, но мне не удастся уловить их смысл. Как только Софи исчезнет из виду, я побегу. Я поступала так и раньше. Это единственный способ ускользнуть от подобного безумия, прежде чем оно поглотит меня, как моих родителей.

– Когда мы выезжаем?

– Сейчас. – Нежная улыбка касается ее губ. – И, чтобы доставить тебя туда, сначала эта смертная оболочка должна умереть.

Едва я успеваю осознать ее слова, как она вонзает изогнутый черный рог глубоко в мое сердце.

Софи положила тело Ромерии рядом с Элайджей, задержавшись на мгновение, чтобы осмотреть самое ценное из своих владений – кольцо, которое Элайджа однажды надел ей на палец, дабы заявить о своей бессмертной любви. Прошли века, но блеск золота в ее глазах не потускнел, ибо она знала его истинную цену. Без него она чувствовала себя голой, но скоро ей его вернут.

Пятно крови вокруг того места, где рог Малакая пронзил грудь Ромерии, осталось совсем небольшим. Софи ощутила облегчение. Судьба обещал, что этот знак сохранит смертную форму девушки достаточно долго, чтобы Софи смогла выполнить свою задачу. Однако, хотя Софи и верила, что приказы Малакая верны, она не доверяла результатам. Судьбы никогда не давали, не забирая чего-то взамен. Элайджа тому доказательство. То, что Малакай заставил Софи полагаться на успех человека, столь невежественного в мире за пределами ее собственного, еще раз продемонстрировало, насколько жестоким он мог быть.

Софи, возможно, не умела читать мысли, но она могла читать пульсы. Все они имели свою подпись – лихорадочная похоть, нарастающий страх, разбитое сердце – и она знала, что Ромерия не поверила ни единому слову. Она бы себе не позволила. Эта девушка думала, будто Софи сошла с ума от

горя.

Или что она просто *безумна*.

Так и задумывал Малакай. Он был недвусмыслен в своих инструкциях: Ромерия не могла знать, кто она такая, – и Софи знала, что лучше не сомневаться в этом. Теперь она могла видеть, как все, казалось бы, случайные обязанности, которые он поручал ей на протяжении многих лет, привели ее к этой одаренной смертной, представшей перед ней. Судьба не обошла ее стороной. Малакай все это время вынашивал свой план.

Что он получит от всего этого, Софи не знала, и ее это не волновало. Все, что заботило Софи, это то, что Элайджа выберется из Обнуления, и к черту последствия.

Ей никогда не нравилось играть роль придворного шу-та, имея подобные способности, однако, если бы Малакай предоставил ей больше времени и свободы, Софи заставила бы камни дрожать, небо разразилось бы слезами, ветер стал бы истошно завывать, а пламя – страстно танцевать, пока у этой девушки не осталось бы иного выбора, кроме как поверить. Выплескивать такую энергию, требующую каждую частицу силы для подобных доказательств, было роскошью, которой Софи не обладала. Наверняка таков был план Малакая. У него имелись свои причины. Судьбы всегда так делали.

Возможно, невежество Ромерии спасет ее. Или, что более чем вероятно, станет тем, что заставит ее сосредоточиться

на своей миссии. Маленькая воровка волевая и стойкая. Она молода, но не защищена от пороков. Эта девушка научилась ориентироваться в своем жестоком мире, приспособившись, чтобы выжить.

Скоро Ромерия увидит. Она познает мир мстительных богов и монстров и поймет, на что можно пойти ради любви. И ничто уже никогда не будет для нее прежним.

Кровавая луна была уже почти над ними. Софи не могла пропустить этот момент.

– Пора тебе в путь, моя маленькая паломница. – Она закрыла пронзительные голубые глаза Ромерии и пригладила пряди темных волос, обрамлявших лицо девушки. Она была взрослой физически, но все же такой юной. И чем-то напомнила Софи ее давнюю дорогую подругу Адель. Не столько внешностью, сколько притворной надменностью, тем, как она изображала уверенность, пока ее сердечко стучало, будто у испуганного кролика. При других обстоятельствах Софи могла бы даже насладиться ее обществом.

– Да будут Судьбы милостивы.

Софи провела лезвием по ладони. Кровь заструилась ровным потоком, покрывая рог Малакая, и дальше, просачиваясь в рану девушки, как велел Судьба. Она не изучала этот ритуал, никогда не слышала о нем во времена, проведенные в Гильдии.

Совершив этот обряд, Софи упала на колени перед подобием Малакая – ибо именно благодаря ему она снова могла

услышать голос Элайджи – и призвала всю свою силу.

Когда земля задрожала, крысы бросились врассыпную.

6

Я просыпаюсь, хватая ртом воздух. Грудь поднимается и опускается.

Пол подо мной мягкий и влажный, потолок окутывает мрак. Мне требуется мгновение, чтобы понять – я лежу в траве под ночным небом. И еще несколько секунд, дабы вспомнить, как Софи вонзила чертов рог мне прямо в грудь.

Мое сердце бешено колотится, когда я протягиваю руку к болезненному участку тела, ожидая, что рог все еще там. Но ничего, кроме боли, там нет.

– Что ты сделала со мной, сумасшедшая? – бормочу я хриплым голосом.

Очевидно, я не умерла, но она определенно пыталась меня *убить*.

Поморщившись, я пытаюсь сесть. И хмурюсь, глядя на горю тряпок, окутывающих меня. Я в замешательстве. Джинсы и свитер исчезли, а вместо них появилось это огромное *платье* из слоев шелка с глубоким декольте. Софи ударила меня ножом, а затем переодела в праздничный наряд?

Я поднимаю руку. Даже в темноте можно разглядеть очертания кольца, надетого Софи, которое, по ее мнению, каким-то образом защитит меня.

У меня нет времени разбираться в этом. Нужно убраться отсюда к чертовой матери.

Я поднимаюсь с мокрой земли, делая несколько неловких шагов, а после наконец восстанавливаю равновесие. Голова идет кругом. Стены кедровой изгороди возвышаются надо мной, образуя длинный узкий коридор, в котором есть только два пути – направо или налево.

Вдалеке раздаются крики – я не могу оценить, насколько они далеко, но определенно исходят откуда-то слева от меня. Тембр мужской, с вкраплениями лязга металла о металл. В воздухе витает запах дыма. Что-то горит.

Я мчусь в направлении, противоположном суматохе, бегу так быстро, как только позволяют темнота и пульсация в груди, запутываясь в громоздком материале платья, ниспадающем к моим ногам, спотыкаясь на высоких и очень шатких туфлях на каблуках. К тому времени, как изгородь переходит в мощеную дорожку, освещенную фонарями, я тяжело дышу, мои легкие горят от напряжения, и я готова к черту сорвать с себя это платье.

Полная луна отбрасывает белый свет на то место, которое не было видно из-за изгороди. Это сад, о котором говорила Софи? Тот самый, охраняемый солдатами, где я должна буду найти камень? Что ж, я точно в каком-то саду. Кусты роз размером с мою ладонь разносят повсюду свой сильный аромат, смешиваясь с прогорклым дымом. Воздух намекает на теплую летнюю ночь. Где бы ни был Илор, он должен располагаться далеко к югу от Бельгии.

Впереди на тропинке разбросаны зазубренные каменные

глыбы, будто развалины, оставшиеся от какого-то строения. Посреди разгрома в лунном свете поблескивает предмет. Любопытно. Я петляю между обломков, чтобы забрать его. Это оказывается наконечник стрелы, очень похожий на те, что были у охранников Софи в арбалетах, только этот из блестящего серебра.

И залит чьей-то кровью.

Я в ужасе отбрасываю его и обнаруживаю, что мои руки испачкались. Я вытираю их о подол своего платья, лихорадочно оглядываясь в поисках выхода отсюда. Вокруг меня вырисовываются новые живые изгороди из кедров.

Я разочарованно чертыхаюсь. Софи одела меня средневековой придворной дамой и бросила в дерьмовом лабиринте. Шансы выбрать правильный путь невелики. Сколько пройдет времени, прежде чем кто-нибудь найдет меня здесь, стоящей рядом с этой окровавленной стрелой, и мне придется объясняться?

Пронзительный женский крик заставляет меня резко повернуть голову вправо. Я задерживаю дыхание и прислушиваюсь.

Женщина снова кричит, и во мне пробуждается страх. Я слишком часто слышала такой вопль отчаяния – в темных переулках, на заляпанных мочой лестничных клетках, на плохо освещенных парковках. Однажды я услышала свой собственный крик, в ту ночь, когда неосмотрительно срезала путь через парк, чтобы добраться до приюта до закрытия

дверей. Если бы не мужество человека, выгуливавшего собаку, я смогла бы добавить в свой список еще одну ужасную историю.

Я бросаюсь бежать, не особо задумываясь о том, куда направляюсь. Вместо этого сосредотачиваюсь на представившейся возможности. Если у меня и есть хоть какой-то шанс остановить то, что вот-вот произойдет с этой женщиной, возможно, она оплатит тем же и поможет мне сбежать отсюда.

Кровь стучит в ушах, пока я мчусь по петляющему кедровому коридору, делая поворот за поворотом, пока не начинаю бояться, что просто бегаю кругами, словно крыса в лабиринте. Но вдруг – к счастью – передо мной появляется каменная стена. Она по меньшей мере тридцати футов в высоту – слишком высокая, чтобы забраться, – но есть отверстие, куда может протиснуться человек.

Я проскальзываю в него.

И тут же на мгновение останавливаюсь при первом взгляде на полную луну. Она в три раза больше любой, что я когда-либо видела, и висит низко в небе, отбрасывая на землю яркий свет, который почти обманывает меня, заставляя поверить, будто сейчас дневное время.

Кроме того, луна не одна. Справа от меня светится еще одна, гораздо меньше и выше. Я привыкла совсем к другому количеству.

Где, черт возьми, их может быть аж две?

Однако свет – это благословение. Я бы наверняка упала

с этого крутого холма и переломала себе все кости, если бы пошла вслепую. С выгодного места, где я стою, можно хорошо рассмотреть долину внизу. Длинная узкая река разделяет поля с высокой травой и густой лес за ними. С этой стороны параллельно реке проходит грунтовая дорога, а через нее можно перейти по широкому арочному мосту.

Еще один леденящий кровь вопль пронзает ночь. Я замечаю движение: кто-то направляется к подножию моста. Мужчина тащит за собой женщину, которая машет руками, брыкается ногами. Она доблестно сражается, но надолго ли ее хватит?

И что, черт побери, я могу сделать, кроме как отпугнуть его?

Этого должно быть достаточно.

Нет времени на размышления. Я вооружаюсь маленькими камнями, отвалившимися от стены, и больше сползаю, чем бегу, вниз по холму. Высокая колючая трава впивается в кожу, но я не обращаю внимания на ее крошечные укусы. В конце концов, земля выравнивается, и трава уступает грунтовой дороге. Я сбрасываю неудобную обувь и бегу вперед, удивляясь тому, как быстро это делаю.

Адреналин зашкаливает, когда мои ноги касаются моста. Мощная энергия гудит в венах, а страх толкает меня вперед.

Мужчина останавливается посередине и склоняется над женщиной. Она больше не борется. Я опоздала? Она мертва?

– Эй! – Со сжатыми в кулаках камнями я изо всех сил

напрягаю свой голос. – Оставь ее в покое!

Он вскидывает голову. Отсюда мне не разобрать черты его лица, но я замечаю белые волосы, собранные в хвост.

– Ты что, сумасшедшая? – рычит он. – Почему ты еще не бежишь в Ибáрис?

Остается надежда, что мое присутствие отпугнет его. Этот мерзавец думает, будто знает меня. Но чем дольше он будет заблуждаться, тем ближе я смогу подобраться, чтобы запустить камни в его чертову пустую голову. Я приближаюсь с чуть большей осторожностью и готовлюсь прицелиться.

– Что ты собираешься с ней делать?

Мужчина возвращается к своему делу, обматывая серебряную веревку вокруг лодыжек несчастной девушки.

– Я собирался насладиться ею позже, но тащить ее через весь Илор рискованно. Слишком многие способны ее узнать. Хотел получить хоть немного удовольствия от этой катастрофы.

У девушки вырывается слабый стон, подтверждая: она все еще жива.

Я крепче сжимаю камни в правой руке. Мне нужно подойти ближе, чтобы они долетели до него.

– Ты потерпела неудачу, Ромерия.

Мои ноги подкашиваются. Я могу не знать этого чокнутого, но, видимо, он знает *меня*. Один из людей Софи? Она сказала, что они не смогут прийти. Возможно, это была ложь.

– Я... у меня не хватило времени, – запинаясь я.

– У тебя были *недели!* Недели на планирование, недели на то, чтобы обмануть этого дурака. Ты знала – это должны быть все они, иначе наши усилия будут напрасны.

О чем он говорит? Я встретила Софи только прошлой ночью.

– Твоя мать не обрадуется, когда услышит об этом.

– *Что?* – Слово вылетает на выдохе. *Моя мать с ней в сговоре?*

Вдалеке слышится слабый гул.

– А вот и кавалерия, – бормочет незнакомец.

Я оглядываюсь назад. Каменная стена, через которую мне удалось сбежать, – это надвигающийся барьер, протянувшийся поперек высокого хребта. За ним ночное небо разрывает оранжевое сияние пламени. Внизу, на грунтовой дорожке, по которой я шла сюда, по тропинке движется большая тень, в ночи слышится отчетливое ржание лошадей.

Это, должно быть, солдаты.

– Уходи сейчас же и ищи убежище в Линделе, пока еще можешь, – настаивает мужчина, яростно работая руками в перчатках. – Прежде чем новый король схватит тебя. Ты не сможешь победить его в одиночку.

Тропинка по другую сторону моста ведет в густой лес. Инстинкт прислушаться к нему – бежать подальше от этого безумия – непреодолим.

– Что касается тебя... – Его голос звучит со злым удовольствием, пока он поднимает обмякшее тело девушки. Свет-

лые волнистые пряди каскадом свисают вниз, тянутся к земле. На бедняжке платье, очень напоминающее мое, – струящиеся слои шелка из другого столетия. – Наслаждайся своей смертью под носом у любимого брата. – Он кладет девушку на ограду моста, чтобы затем столкнуть.

Именно тогда я замечаю большой валун у его ног, обернутый другим концом серебряной веревки. Я с ужасом наблюдаю, как мужчина перебрасывает валун через ограду, и тот утаскивает девушку вслед за собой. Через короткое мгновение один за другим снизу раздаются громкие всплески воды.

– Уноси ноги или будь проклята. – Мужчина убегает прочь с поразительной скоростью, бросаясь к деревьям.

Реакция запоздалая, но я все равно швыряю камни ему в голову. Увы, промахиваюсь, ибо он уже далеко.

Раскатистый стук копыт становится громче, а мощные фигуры приобретают более отчетливые очертания по мере своего приближения.

Если побегу сейчас, то успею спрятаться посреди деревьев. Однако мрачные воспоминания о невинной женщине, сожженной в лесу, сковывают мои движения и пробуждают совесть. Если я сбегу, то девушка утонет в реке, и тогда я уже не смогу избавиться от чувства вины за свое бездействие.

Я взбираюсь на ограду. О расстоянии судить сложно, но выглядит не слишком высоко. Проклиная про себя Софи, я прыгаю.

Ледяная вода обволакивает меня, но я слишком охвачена

паникой, чтобы обращать внимание на холод. Я делаю вдох и ныряю, надеясь, что яркий лунный свет простирается в темные глубины, однако там лишь бездонная пропасть. Я плыву на ощупь, вслепую, пока мои легкие не начинают гореть огнем, и тогда мне приходится всплыть на поверхность.

– Стой, именем короля! – гремит глубокий властный голос откуда-то сверху.

На мосту двое всадников. Оба носят доспехи. Один держит горящий факел, другой целится в меня стрелой.

Я сглатываю от страха, сердце бешено колотится.

– Здесь женщина. Она утонет! Помогите мне, *пожалуйста!* Мне нужен свет!

Человек со стрелой немного опускает свое оружие. Я не жду ответа, ныряю обратно, хотя и боюсь, что мои усилия будут тщетны.

Внезапно темноту пререзает луч света. Он исходит от камня в кольце Софи, усиливаясь по мере того, как свечение рассредоточивается, простираясь во тьму, словно тянущиеся лианы в поисках дневного света.

Я с недоумением следую за светом до самого дна реки, туда, где длинные белокурые пряди плавают примерно в двадцати футах подо мной. Женщина внизу неподвижна, ее руки распростерты по обе стороны безжизненного тела.

Не имею ни малейшего понятия, как кольцо это делает, но я не теряю времени и ныряю глубже. Я изо всех оставшихся сил двигаю руками, желая поскорее добраться до русла ре-

ки и осмотреть валун, удерживающий девушку на дне. Тревога нарастает, когда я замечаю толстую серебряную веревку, мерцающую в сиянии кольца. Никогда такой не видела, узлы выглядят замысловато. Мне потребуются часы, чтобы распутать их, но у этой девушки нет часов или даже минут. Если ее вообще еще можно спасти.

Интересно, получится ли разрезать веревку, если солдат даст мне клинок?

Я протягиваю руку, чтобы проверить это. Мои глаза расширяются от удивления, когда веревка распадается под моими пальцами, точно сахарная пудра. У меня нет времени думать об этом чуде. Легкие горят от нехватки кислорода. Я легко смахиваю остатки пут с ног девушки и, обхватив ее рукой за талию, вытаскиваю на поверхность.

К моему большому облегчению, она начинает кашлять и отплевываться в тот момент, когда мы выныриваем из воды.

– С тобой все будет в порядке, – обещаю я между прерывистыми вздохами.

До меня еле слышно доносятся крики, я смутно вижу горящие факелы вдоль моста и русла реки. Крепко сжимая девушку одной рукой, другой я гребу к берегу, радуясь, что уроки плавания не прошли даром. К тому моменту, когда мы добираемся до ближайшего берега, я уже на грани обморока, грудь болит.

Я неуклюже плюхаюсь в грязь рядом с девушкой.

– Анника! – раздается низкий мужской голос, полный тре-

воги.

– Я здесь! – кричит она, прежде чем у нее начинается новый приступ кашля.

Звук тяжелых шагов и лязг металла приближаются. Мужчина в черно-золотых доспехах опускается рядом с ней на колени. Его шлем закрывает большую часть лица, обнажая только рот и глаза, видимые через щель.

– Ты пришел за мной. – Девушка по имени Анника выглядит крошечной рядом с его массивной фигурой. Затем он срывает перчатку, освобождая руку, чтобы убрать мокрые пряди с ее лба.

– Я думал, что потерял и тебя.

Она улыбается, судорожно вздыхая.

– Почти потерял. Тот Отпрыск использовал мёрт в качестве якоря. Сомневаюсь, что ты обнаружил бы меня вовремя. Если бы не эта храбрая... – Ее голова наклоняется ко мне, и тут девушка замирает на полуслове. – *Ты.* – Ее голос пропитан ужасом.

Облегчение, которое я испытала, осознав, что она жива и я спасла ей жизнь, превращается в страх. Они все думают, будто знают меня. Но, как и в случае с тем мужчиной, я предчувствую – от этого пользы не будет.

Стоящий на коленях мужчина теперь обращает внимание на меня, и хотя его лицо в основном скрыто, но, без сомнения, он шокирован. Проходит пара секунд перед тем, как он слегка кивает головой.

– Схватить ее! – командует он с ревом.

Грубые руки в доспехах хватают меня и поднимают на ноги. Мужчина встает, не отрывая своего взгляда от моего. Вокруг нас столпились солдаты, сжимающие свои мечи и тихо ожидающие приказа. Думаю, *его* приказа. Он явно важная персона.

Где я, черт возьми?

Солдат вытаскивает из ножен длинный кинжал и приближается. Лезвие блестит в лунном свете.

– Как ты можешь быть жива? – В его голосе звучит искренний страх. – Я *видел* твое тело. Видел, как стрела пронзила твое сердце. – Подняв острие кинжала к моей груди, он очень легко царапает мою кожу над глубоким вырезом платья. – Ты истекала кровью.

Мое тело дрожит, когда я смотрю вниз, туда, где меня поцарапал его клинок. Факел освещает не смытые рекой коричневые пятна на бледно-сером шелковом лифе.

Мне бы для начала объяснить это самой себе, что уж говорить об этих людях.

– Я не знаю, кем вы меня считаете и что я сделала...

– Обращайся к королю «Ваше Высочество», – рычит в ухо держащий меня мужчина. Его болезненная хватка усиливается, и я вздрагиваю.

Это король.

Пусть я и не вижу большей части его лица, выглядит он молодым. Я быстро осматриваю остальных людей в доспехах

и прихожу к выводу, что его сделаны более качественно, а на золотой кирáсе⁸ вырезаны замысловатые узоры.

– Полно, капитан Боз, – произносит король с жутким спокойствием. – У нас еще не было времени на коронацию, учитывая, что Ромерия убила моего отца всего несколько *часов* назад.

– *Что?* – Я задыхаюсь, едва издав звук. – Я не... я не... – У меня кружится голова. Должно быть, это дело рук Софи. В чем эта дьявольская женщина убедила этих людей? – Я никого не убивала, клянусь. Я здесь только потому...

– Довольно лжи! – восклицает он, и его голос пропитан болью. Он заносит руку с кинжалом высоко над собой, острие наклонено вниз. Его намерения вполне ясны.

– Брат! Остановись! – Девушка, которую я вытащила из реки, – он назвал ее Анникой – кричит, вскакивая на ноги. – Она спасла меня!

– Она убила наших родителей! В ее планах было убить и нас.

О боже. Видимо, я не только убила их отца. Они думают, что я пыталась убить *всю* их семью?

Колени подгибаются, но хватка мужчины, удерживающего меня, сильна, и я все еще стою.

Анника хватает короля за руку, привлекая к себе внима-

⁸ Кирáса – элемент исторического нательного защитного снаряжения, состоящий из грудной и спинной пластин, изогнутых в соответствии с анатомической формой груди и спины человека.

ние.

– Она спасла меня, Зандер, – повторяет она, подчеркивая свои слова. – Она *освободила* меня от мёрта. *Необработанного мёрта*. Голыми руками.

Он моргает. Постепенно он осознает смысл ее слов, хотя я до сих пор ничего не понимаю. Король переводит взгляд с моих рук на испачканное кровью платье. Наконец, он опускает кинжал, и я с облегчением выдыхаю.

– Начать охоту за Отпрыском, Ваше Высочество? – кричит солдат с моста.

Когда король – Зандер – снова заговаривает, его голос звучит тихо:

– Нет. Аттикус и его люди уже преследуют сбежавших. Я не стану рисковать снова. Мы вернемся и перегруппируемся. – Он не сводит взгляда с моих глаз, а челюсть – твердая и угловатая – напрягается.

– Вода, Ваше Высочество, – низким голосом с примесью предостережения говорит человек, которого он звал Бозом.

Зандер двигается невероятно быстро, проводя кончиком клинка по моей ладони. Я вскрикиваю, когда лезвие впивается в кожу, больше от удивления, чем от боли, – я слишком потрясена, чтобы что-то чувствовать.

Под светом полной луны я наблюдаю, как моя кровь струйкой льется в воду.

– Веди ее, – приказывает Зандер, а затем, взяв сестру под руку, сопровождает ее вверх по крутому склону.

Мое путешествие далеко не такое приятное. Я изо всех сил пытаюсь не отставать от Боза, который тащит меня по грязи мимо вооруженных солдат, восседающих на лошадях. Их, должно быть, не менее пятидесяти. Они рассредоточены полукругом, с оружием наготове, оглядывают окрестности, будто готовятся к засаде.

Всякая надежда на спасение исчезает.

Боз обхватывает меня за талию и сажает на спину своей лошади, а после садится и сам.

– Попробуешь сбежать, и я с радостью прирежу тебя, – предупреждает он, тихо добавляя, – *снова*.

Кем бы я ни была, они думают, что однажды уже убили меня. И не откажутся сделать это во второй раз.

Боз отдает приказ, и солдаты окружают лошадь, на которой везут Зандера и Аннику. Еще один приказ, произнесенный грубым тоном, приводит их в движение.

Мы едем вперед в унисон, копыта лошадей мерно стучат по грунтовой дороге, а окованные металлом руки Боза служат мне надежной клеткой. Кости ломит, но я едва замечаю это, поскольку неотрывно слежу за тем, что может произойти дальше.

Повернув, мы направляемся к огромным воротам, которые открываются при нашем приближении. Темные фигуры стоят на страже на вершине стены, их стрелы наготове.

Мы проходим через ворота, и я впервые вижу, что находится за зеленым лабиринтом.

Огонь и хаос.

Мои глаза расширяются, когда я пытаюсь осмыслить это странное зрелище. Я вернулась в прошлое. Открытое пространство за воротами сужается к одной узкой, выложенной брусчаткой улочке впереди нас, вдоль которой стоят двух- и трехэтажные здания из кирпича и камня, их крыши скошены под разными углами, а окна маленькие и совсем не похожи друг на друга. Фонари висят на столбах и стенах, внутри них мерцает пламя, даруя единственный свет, помимо того, что исходит от двух лун. Не видно ни машин, ни даже уличных знаков.

В воздухе чувствуется густой смрад дыма, и звучат вопли отчаяния.

Я замираю в ужасе, когда мы ровным строем проезжаем вперед, под цоканье лошадиных копыт, мимо вооруженных солдат, чьи лица перепачканы пеплом, грязью и кровью. Справа от меня, в повозке, грудой лежат мертвые тела, а ломовые лошади стоят и жуют сено, им пока еще не отдали приказа тянуть. В большую кучу добавляются все новые тела.

Я и раньше видела мертвых людей – замерзших на автобусных остановках, с передозом за мусорным баком, зарезанных внутри картонной коробки, – но никогда так много сразу.

Чуть впереди я замечаю группу людей – у одних щеки покрыты сажей, другие же с ужасом в глазах наблюдают, как

тлеет соседнее здание. Пламя вызывающе танцует, пока люди пытаются потушить его водой.

Рядом с телом мужчины приседает девочка, сжимая его руку и рыдая. Сердце замирает при виде этой картины.

– Что здесь случилось? – как будто со стороны слышу я свой вопрос.

Боз фыркает.

– Ибарисанцы случились. *Ты* случилась. – Он отпускает поводья, и через мгновение тяжелое одеяло падает мне на голову, закрывая обзор. – Им лучше не видеть, что мы вернули тебя обратно. Сегодня все на эмоциях. Нам бы не хотелось, чтобы кто-то отнял у Его Высочества право на возмездие. Интересно, какое наказание постигнет женщину, которая отравила короля с королевой и замышляла истребить всю их родословную? Думаю, если мы отправим тебя в Ибарис по частям, это, несомненно, заставит твоего вероломного отца задуматься. Хотя, полагаю, король желал бы сохранить твою голову. Нам бы не хотелось, чтобы ты каким-либо образом снова вернулась из мертвых.

Я сосредотачиваюсь на дыхании – от шерстяного одеяла исходит запах кожи, сосновых стружек и сена, и мой желудок угрожает извергнуть все содержимое.

Этот мудака пытается меня напугать. Только и всего.

– Уступите дорогу королю! – кричит солдат.

Лошади бегут вперед размеренной рысью, а я слышу разрывающие сердце крики боли. Когда мы проезжаем мимо

этих людей, я чувствую, как мои собственные горячие слезы начинают стекать по щекам.

Я спотыкаюсь, ступая вверх по бесконечной лестнице, и тиски Боза, сомкнувшиеся на моей руке, – единственное, что удерживает меня на босых ногах. Только когда мы достигаем площадки, он снимает одеяло с моей головы, а затем толкает меня вперед.

Я делаю несколько шагов, но наступаю на край платья и падаю, больно ударяясь коленом о каменный пол. Я сдерживаю вскрик.

– Будешь сама объясняться. – Он бросает одеяло на пол рядом со мной.

Стиснув зубы от боли, я тащусь в самый дальний от него угол, как раненое животное, коим и являюсь, и быстро осматриваюсь. Он привел меня в полукруглую комнату, где с одной стороны только небольшая кучка шкур на сене, а с другой – ведро. Маленькое отверстие в стене открывает обзор на ночное небо.

Боз заполняет собой весь дверной проем, шлем снят и спрятан под мышкой. Он старше, чем я ожидала от человека с такой силой, светло-серые хлопья пыли осели на его коротко стриженных, мышино-каштановых волосах, а на лбу зигзагами прорисовываются морщины. Полоска крови стекает по бронзовой щеке. Еще больше полос покрывает его нагрудник.

– Как ты это сделала?

– Что сделала?

– Не играй со мной, – рычит он. – Я всадил стрелу в твое сердце. Я видел, как ты упала наземь в розовом саду. Ты была мертва.

Стрела в розовом саду...

Я вспоминаю подобранное мною окровавленное оружие. Он говорит, это была *моя* кровь? Что он выстрелил в меня этой самой стрелой? Я смотрю на темное пятно на лифе, где ткань кажется разорванной.

Пульсация в груди уже не такая острая, как в момент пробуждения, но все равно болит. Однако очнувшись я в кедровом лабиринте. Как я туда попала? Должно быть, проползла. Но он не стрелял в меня...

– *Как ты можешь быть жива?!* – Глубокий голос Боза разносится по комнате, прерывая мои блуждающие мысли. Он бросается вперед, его доспехи звенят при каждом шаге.

– Не знаю, но я не та, за кого вы меня принимаете! – Я сворачиваюсь в клубок, обхватываю голову руками, готовясь к нападению. Когда его не происходит, я рискую взглянуть вверх.

Он изучает меня прищуренными глазами.

– Я не знаю, какой еще коварный трюк ты продумываешь. Возможно, ты надеешься, будто твои приспешники спасут тебя, но это не сработает. Мюрн мертв. Повстанцы либо убиты, либо схвачены, либо бежали из города. *Никто* не придет,

чтобы освободить тебя.

Боз разворачивается на каблуках и выходит, захлопывая за собой зарешеченную дверь.

Я слушаю, как его шаги стихают на лестнице, жду, когда наступит тишина, и только потом позволяю себе вздохнуть с облегчением. Хотя утешаться нечем. Я в затруднительном положении, из которого не могу найти выход. Мне следовало бежать, как сказал тот человек. Я бы винила себя в смерти Анники, но была бы жива, а не сидела бы в этой камере. Угрозы Боза о моем расчленении сделали свое дело.

Я в ужасе.

И моя рука пульсирует.

Я вздрагиваю, осматривая крупную глубокую рану на своей ладони. На нее уйдет не менее десяти швов, а то и больше, и что-то мне подсказывает, что эти люди не торопятся вызывать для меня врача. Нужно остановить кровь.

Подол моего платья порвался. Зубами и здоровой рукой я отрываю полоску и обматываю ее как можно крепче вокруг раны, стараясь не обращать внимания на грязь, которая так и норовит попасть в рану. Люди теряли конечности и от простых инфекций. Иногда даже больше, чем просто конечности. Бездомная женщина, жившая на берегу Гудзона, – мы звали ее Речная Салли – порезала большой палец о консервную банку, а позже умерла от сепсиса.

Я встаю с твердого каменного пола и направляюсь к крошечному окошку, дабы лучше понять, что меня окружает.

Боз запер меня в башне, с ужасом осознаю я. От вершины башни до земли не менее пятидесяти футов. Даже если бы у меня получилось пролезть через отверстие, прыгая, я бы сломала каждую кость в своем теле. Протиснув голову в небольшую дыру, я замечаю шлем: солдат охраняет вход.

Боз целеустремленно марширует по огромному двору, останавливаясь, чтобы поговорить с двумя мужчинами, которые возят бревна и сваливают их в кучу. Он указывает им пальцем и словами – их я не могу разобрать. Кроме этих людей, больше никого не видно. Здесь тихо – гораздо тише, чем на городских улицах, по которым мы проезжали.

Несмотря на теплый летний воздух, в камере прохладно, а мое платье промокло от воды. Зубы стучат, когда я невредимой рукой пытаюсь стряхнуть влагу с бесчисленных слоев юбок. Не могу не корить себя за это. Но смерть от переохлаждения или пневмонии может оказаться предпочтительнее того, что они запланировали для меня.

Когда из платья уже невозможно выдавить больше ни капли воды, я подбираю одеяло, оставленное Бозом, находя странное утешение в запахе земли. Думаю, сено, покрытое шкурами овец, это моя кровать. Признаюсь, я спала в местах и похуже, и все же выглядит это не слишком привлекательно.

Теперь мне нечего больше делать, кроме как смотреть на свои грязные ноги и ждать.

Откуда-то из соседней башни доносится слабый скрежет, от которого у меня волосы на затылке встают дыбом. Я осто-

рожно иду к двери камеры, вглядываясь в темноту за решеткой. Через лестничную площадку находится еще одна камера.

– Привет? – Я задерживаю дыхание, внимательно слушаю. Может, в темноте кто-то прячется, и он расскажет мне, где я, черт возьми, нахожусь? – Эй, есть здесь кто-нибудь? – зову я снова, на этот раз громче.

Между прутьями, пугая меня, пробегает крыса. Она резко останавливается, когда видит меня, а затем сворачивает и уносится вниз по лестнице. В итоге никто не отвечает.

Я проверяю дверь своей камеры, толкая ее и встряхивая. Она шумно гремит, но не сдвигается с места, подтверждая – закрыто. Я в ловушке и совершенно одна, если не считать грызунов. Как до этого дошло?

Лунный свет проникает в окно, заливая импровизированную кровать своим серебряным сиянием. Сколько других людей ожидало наказания под этим светом?

Плотнее закутываясь в одеяло, я перебираю в голове все сумасшедшие истории, что рассказала мне Софи по пути к хранилищу, и безумие, произошедшее с момента, как я очулась в лабиринте.

Софи была непреклонна: эти люди не должны узнать, кто я такая. *Что* я такое. Если узнают, то не оставят меня в живых. Но какой версией Ромерии они меня считают? Судя по всему, она убила короля и королеву, начав тем самым войну в их городе. Я почти уверена, что они так или иначе убьют

меня.

Я рассматриваю кольцо, которое Софи надела на мой палец. Мне показалось, что драгоценный камень тусклый, но под лунным светом он красиво переливается. Софи сказала, оно защитит меня, и, может, так и будет. Мне до сих пор непонятно, почему кольцо светилось в реке, но, думаю, придется добавить этот вопрос к длинному списку всех этих бессмысленных событий.

А вдруг я схожу с ума, как мой отец. *Это* он испытывает? По сей день папа твердо стоял на своем: он видит правду, разворачивающуюся перед ним, и все же остальные настаивают на другой версии. Солдаты с мечами и средневековый город, о котором никто не знает? Две луны? Я вижу это собственными глазами, но неужели я создала это у себя в сознании? Вот что значит страдать от иллюзий, настолько ярких, что невозможно назвать их ложными?

Я *помню*, как Софи проткнула мне грудь зазубренным черным рогом, и все же Боз настаивает, будто он выстрелил в меня стрелой. Мы оба помним две версии правды, объясняющие, почему у меня болит грудь, плюс мое платье запачкано кровью, однако ж ни одно из этих объяснений не кажется правдоподобным.

Хоть *что-то* из этого правда?

Трясущимися пальцами я откидываю одеяло. Каким бы нелепым ни было это платье со всеми его слоями, помпезностью и откровенным декольте, оно, вероятно, выглядело

восхитительно до того, как было безнадежно испорчено.

Тот, кто его сотворил, провел долгие часы, сшивая завитки и цветы золотой нитью. Лиф жесткий и плотный, и мне приходится с усилием оторвать рукав, дабы обнажить кожу в попытке получше рассмотреть место ранения в сумеречном свете.

Я морщусь, глядя на пеструю багряно-красную отметину. Я ожидала увидеть рану, но кожа не повреждена. Выглядит как обычный синяк.

Но я *помню* тот рог, пронзивший...

– Для той, кто недавно умер, ты исцеляешься довольно быстро.

Я вздрагиваю от голоса и тут же дергаю одеяло на себя, чтобы прикрыться. Щеки краснеют. Я узнаю этот холодный спокойный тон. Это король. Зандер. Как он прошел, не издав ни звука? И как долго стоит в тени, наблюдая за мной?

Ключ гремит в замке.

Моя паника нарастает, когда дверь со скрипом распахивается. Он пригибается, когда входит внутрь. Доспехов больше нет. Вместо них изящный удлиненный сюртук черного цвета и сапоги до колен. Теперь, когда он без шлема, закрывавшего большую часть лица, я вижу, что Зандер молод – старше меня, но моложе, чем представлялся мне король. *Не то чтобы я когда-либо задумывалась о возрасте короля.* Остальные черты его лица с оливковой кожей такие же угловатые, как и челюсть, золотисто-каштановые волосы небрежными

волнами спадают с лица.

Когда он приближается, его холодные глаза буквально вонзаются в меня. Руки короля висят по бокам, поблизости от ножен, в которых спрятан меч. Украшенный драгоценностями кинжал привязан к его бедру.

Воровка внутри меня задается вопросом, смогу ли я стащить кинжал так, чтобы он не заметил?

Однако причина, по которой мне всегда удавалось незаметно отнимать у людей их вещи, состояла в том, что они меня не подозревали. Зандер же некоторое время назад был в доле секунды от того, чтобы вонзить мне в грудь кинжал, поскольку подозревает меня в гораздо худших деяниях, нежели воровство. Он думает, будто я убила его родителей.

То, что я еще жива, просто чудо.

– Встань, – командует он, останавливаясь всего в футах от меня, и сжимает руки.

Я подчиняюсь, не желая давать ему повода убить меня на месте.

Раньше он казался титаном во всех этих доспехах. Теперь он навис надо мной, высокий и широкоплечий, но не такой уж и нечеловеческий. Впрочем, он все же устрашает. И он однозначно король. Даже если это место и эти люди ничего для меня не значат, я чувствую исходящую от него ауру силы. Высокомерие.

Его пронзительный взгляд останавливается на мне. Я изо всех сил пытаюсь сохранять самообладание, сосредотачива-

ясь на лацкане его сюртука, стараясь подобрать нужные слова, лишь бы убедить его, что я не та Ромерия, какой он меня считает.

Зандер тянется к краю шерстяного одеяла, и его намерения быстро становятся ясными. Я инстинктивно крепче прижимаю руки к телу и пронзаю его предостерегающим взглядом.

Его брови изгибаются.

– Теперь ты строишь из себя скромницу рядом со мной?

– Что это должно значить?

– Не притворяйся, будто не знаешь. Покажи мне рану.

Сейчас же.

Я не сумею отбиться от него, если он захочет применить ко мне силу, к тому же я бы предпочла иметь хоть какой-то контроль над ситуацией. Я неохотно опускаю край одеяла, ровно настолько, чтобы он смог увидеть покрытую синяками кожу и ничего больше. Хотя он уже наверняка все рассмотрел, пока прятался в тени.

Я напрягаюсь, когда Зандер протягивает руку и проводит кончиком пальца по месту ранения – стрелой или рогом, черт его знает. Несмотря на очевидную ненависть ко мне, его прикосновения нежны.

И, вопреки страху, по моему телу пробегает дрожь.

После долгой паузы он отстраняется, а затем поворачивается ко мне спиной и начинает расхаживать по моей маленькой камере.

Я пользуюсь моментом, чтобы поправить платье, морщась от неудобства.

– В последние недели ты играла роль доброй чародейки, стремилась к миру между нашими людьми, но на самом деле все это время замышляла уничтожить мою семью. Не пытайся отрицать. Мы допросили твоих слуг. Тех, кто выжил. Они признались. И быстро.

У меня есть слуги?

– Ты преуспела в убийстве моих родителей. Аттикус едва не получил стрелу в сердце, а Анника точно была бы мертва, если бы ты ее не спасла. Я не могу понять почему, но убежден – у тебя имелись свои причины. Возможно, жест доброй воли, когда ты осознала, что тебя преследуют. Тем не менее я удивлен, что ты не сопротивлялась.

Устроить бой – *в одиночку* – против пятидесяти солдат на лошадях?

Его пятка едва касается камня, когда он поворачивается ко мне лицом.

– Что ты припасла для *меня*? Тоже яд? Или, может, удобно подставленное острое клинка, которое ты вонзила бы в меня, пока я лежал бы рядом, пресыщенный и рассеянный?

Мне хочется все отрицать, заявлять о своей невинности, однако я прикусываю язык. Чем больше он говорит, тем больше я узнаю. На данный момент мне известно, что у него есть брат и сестра, и, похоже, мы с Зандером были парой. В таком случае шутки о моей скромности в его присутствии

имеют смысл.

Но кем именно мы были друг для друга?

Мой взгляд скользит к его рту, к полным губам. Целовала ли я их раньше? Эти пронизательные глаза уже видели все под моим платьем? Просыпались ли мы в объятиях друг друга?

Странно стоять перед человеком, с которым не знакома, но который отлично знаком со мной. Человеком, обвиняющим меня в убийстве своих близких, имея на руках вполне очевидные доказательства.

– Твой отец знал об этой схеме, когда договаривался со мной? Потому что, мне кажется, здесь замешана Нейлина. Не то чтобы это имело значение. К несчастью для всех вас, ваши тщательно продуманные планы рухнули, когда мои родители решили поужинать *до* церемонии, а не после нее. – Его челюсти напрягаются. – Кто в этих стенах был в сговоре с тобой? Уверен, тебе кто-то помогал. Кто-то помимо лорда Мюрна. Тот, кто знал наш распорядок дня, сумел бы обойти охрану. Я хочу знать, кто предал мою семью. Кто предал Илор?

Я выравниваю голос.

– Я не собиралась убивать...

– Кто тебе помог? – рычит он, и его рука тянется к кинжалу.

Все внутри сжимается. Это бесполезно. Он уже убедился в моей вине и не станет меня слушать, если я продолжу все

опровергать. Мне нужно найти другой способ сообщить ему правду.

– Софи.

Зандер колеблется, словно не ожидал услышать ответ так быстро или что он вообще последует.

– Софи, – повторяет он, хмуря брови. – Я не знаю никакой Софи.

– Она сказала мне, что ее так зовут, но могла солгать.

– Кто она? Придворная дама? Фрейлина? Слуга?

– Определенно не слуга. У нее есть собственный замок. Она высокая и худая, длинные рыжие волосы. Красавица. Хорошо владеет мечом.

Он качает головой. Описание, вероятно, не подходит никому, кого он знает.

– Где вы с ней познакомились?

– На благотворительном мероприятии, на Манхэттене.

– Это в Ибарисе?

Что за король не слышал о Манхэттене?

– Нет. Это в Нью-Йорке. Мы встретились там, а потом полетели в...

– Полетели? Ты хочешь сказать, что за этим стоял *заклинатель*?

Я хмурюсь. *Кто?*

– Она элементарь?

– Я... не знаю.

Зандер бормочет себе под нос нечто похожее на прокля-

тие.

– Насколько она сильна? Она сейчас здесь, в городских стенах? – засыпает он меня вопросами, и его голос внезапно приобретает настойчивые нотки.

Насколько сильна? Даже не знаю, как на это ответить.

– Софи утверждала, что не может прийти сюда.

Зандер снова начинает шагать.

– А что ты пообещала этому заблудшему дураку, лорду Мюрну, за его помощь с повстанцами? – Он хмыкает. – Ну, конечно... твою руку. Учитывая, что мы все были бы мертвы, тебе бы понадобился илорианец благородной крови, который помог бы занять трон. Хотя с этим предателем тебе вряд ли удалось бы повлиять на двор. Ты и в самом деле ничего не знаешь об илорианских обычаях.

Я пытаюсь снова.

– Знаю, ты мне не веришь, но я не убивала твоих родителей. И я не собиралась убивать тебя.

– Ты заперта в башне и обвиняешься в государственной измене. Ты скажешь что угодно, правда, Ромерия?

– Возможно, – признаю я. Мое имя на его языке – словно он так хорошо меня знает – раздражает. – Но это не меняет того факта, что это была не я. Я не та, кем ты меня считаешь.

Он приближается ко мне, и я отступаю, пока не упираюсь спиной в стену, оказываясь в ловушке, не способная уклониться от его массивной фигуры. Свет луны озаряет его лицо, которым в обычных обстоятельствах я бы восхитилась.

Но сейчас я вижу лишь жесткие линии и ненависть в глазах.

Взгляд Зандера падает на одеяло, прижатое к груди, а затем на самодельную повязку.

– Теперь тебе нельзя носить такие украшения, не так ли? – Он протягивает руку ладонью вверх.

Не повязка привлекла его внимание, а мое кольцо. И намерения его ясны.

Ты не должна снимать это кольцо ни по какой причине.

Мне не хочется проверять правдивость предупреждения Софи, поэтому засовываю руку под одеяло. Собрав все нервы в кулак, я встречаю стальной взгляд Зандера, откашливаюсь и говорю:

– Это *мое*.

Время замирает, а мое сердце бешено колотится в груди. Растущее напряжение, витающее вокруг нас, угрожает выдавить весь воздух из моих легких. Кажется, король пытается прочесть мои мысли так же, как и я его.

Я молюсь, чтобы он увидел мою честность и невиновность, и говорю – четко, медленно:

– Я не *та*, за кого ты меня принимаешь...

– Разве ты не принцесса Ромерия, будущая правительница королевства Ибарис, и моя *нареченная*? – произносит Зандер с убийственным спокойствием.

Мой рот приоткрывается. *Принцесса? Королевство? Нареченная?*

– Нет! Я имею в виду, да, меня зовут Ромерия, но я не...

– Довольно! – Нахмурившись, он тянется к бедру. Его рука обхватывает рукоять кинжала. – Ты хотя бы немного испытываешь вину за то, что сотворила?

Я молчу, опасаясь, что в любом случае Зандер извлечет этот кинжал из ножен.

– Знаешь, как мне хочется верить, что ты не стояла за всем этим? – хрипло шепчет он, подходя ближе. В его глаза отражается острая боль. – *Прошу*, скажи, что ты не поступила так со мной.

Я прижимаюсь телом к прохладной каменной стене и задерживаю дыхание. Желание закричать перехватывает горло. После всего, через что я прошла, вот *так* мне суждено умереть? В средневековой башне, от рук обманутого короля, принятой за кого-то другого?

Зандер наклоняется, и его губы легко касаются моих.

Я застываю от неожиданности этого действия, а затем и от следующего – когда он целует меня с большим напором. Его слова все крутятся у меня в голове. Я должна была стать его *женой*. Он хочет верить, будто я невиновна в этих ужасных преступлениях.

Возможно, еще остался способ убедить его.

Давненько я ни с кем не целовалась. Последний раз это произошло шесть месяцев назад – в клубе с парнем, который даже не удосужился снять обручальное кольцо, когда делал мне недвусмысленное предложение. В ту ночь я навсегда из-

бавила его от часов «Blancpain»⁹.

С глубоким, прерывистым вдохом я отдаюсь поцелую. Губы Зандера мягкие и теплые – удивительный контраст с его холодным, жестким поведением.

Я отпускаю одеяло, и оно соскальзывает с моих плеч, падая к ногам. Затем осторожно провожу пальцами неповрежденной руки по его груди, молча наслаждаясь твердыми мышцами под своей ладонью, наклоняю голову и дразню его губы кончиком языка.

Зандер замирает, и я боюсь, что мимолетные чары, под которые он попал, быстро рассеялись. Но вдруг он, резко вдохнув, страстно отвечает на поцелуй, тянется, чтобы ухватить меня за затылок. Его пальцы путаются в моих волосах. Поцелуй становится глубже благодаря искусным движениям его языка. Твердые бедра прижимают меня к стене, напряженное тело сливается с моим.

Я ошеломлена. Меня еще никогда так не целовали – с подобным отчаянием. Однако я быстро вспоминаю свою цель. Рука скользит вверх по его шее, нежно касается точеного подбородка. Другая рука – раненая – оказывается между нами, в самом нужном месте.

Ближе к кинжалу.

Зандер оставляет дорожку поцелуев от моих губ к изгибу челюсти, затем к шее. Его дыхание становится прерывистым.

⁹ Blancpain – одна из старейших часовых мануфактур Швейцарии, в стенах которой придумали первые в мире автоматические женские часы.

Погруженное в головокружительность момента, мое тело начинает реагировать, несмотря на опасность, в которой я нахожусь. Я выгибаю спину, предоставляя ему лучший доступ, и его хватка на моих волосах становится крепче. Зандер тянет мою голову вниз, оголяя шею. Я вздрагиваю, когда он игриво царапает мою кожу неожиданно острыми зубами.

Однако, когда его пальцы сжимают вырез платья, я слышу треск ткани и понимаю, что быстро теряю контроль над ситуацией – если он вообще у меня был.

Я никогда не позволяла никому так себя использовать, когда жила на улице. Не случится этого и сейчас, каким бы ужасным ни было мое положение. И все же я попробую обернуть эту ситуацию в свою пользу.

Ночной воздух ласкает мою обнаженную кожу там, где одна сторона моего платья слишком низко опущена. Я будто кожей чувствую взгляд Зандера на своем теле, как если бы это был его рот. Он не шевелится. Застыл, словно размышляя, продолжить или остановиться. В любой момент он может выбрать последнее.

Стиснув зубы от боли в руке, я просовываю пальцы под сюртук, скольжу ими по его стройной талии, обдумывая план, и сильнее прижимаюсь к его бедрам.

Зандер отвечает гортанным рыком, снова сжимая мои волосы в кулаке. Его рот тянется к моей шее. Я ощущаю еще одно восхитительное острое касание его зубов, и с моих губ срывается тихий, непрошенный стон. Но я использую этот мо-

мент, чтобы он отвлекся, а я тем временем дотрагиваюсь до рукояти кинжала большим пальцем, проверяя его посадку в ножнах, и пытаюсь найти удобный угол для захвата.

Нащупываю кинжал и тяну за навершие...

Зандер внезапно отстраняется от меня и делает несколько шагов назад, куда я не в силах дотянуться.

Мои руки остаются пустыми, план сорван.

Его адамово яблоко дергается, когда он тяжело сглатывает.

– Мы могли бы принести мир. Могли бы изменить Илор и Ибарис вместе. Но ты права. Ты не та, кем я тебя считал.

Его челюсти сжимаются, когда Зандер изучает длинную золотую заколку для волос на ладони.

– И я никогда не поверю ни единому слову, что вылетит из твоих предательских уст.

– Клянусь тебе, Зандер...

– Никогда больше не произноси мое имя! – рывкает он, после чего делает паузу на несколько мгновений, дабы восстановить самообладание, и, когда снова заговаривает, его голос приобретает тот же холодный, отстраненный тон. – Ты встретишь свое наказание на рассвете вместе с остальными предателями. И я обещаю, твоя смерть не будет быстрой или безболезненной. Ведь смерть моих родителей таковой не была. – Он кивает на мою руку. – Посмотрим, сможет ли это уберечь тебя от Азодема, ведь Судьбы наверняка сочтут, что ты заслуживаешь отправиться туда. – Он покидает мою ка-

меру не оглянувшись. Железные прутья лязгают, когда дверь захлопывается. Его шаги вниз по лестнице быстры – они уносят с собой всю мою надежду.

Поправив платье, я бросаюсь к окошку, готовая рассказать ему все: о Софи, о Корсакове, о роге, об этом поручении с камнем для Малакая. Но король, должно быть, пошел другим путем, потому что единственные люди во дворе – это солдат, расхаживающий перед дверью башни, и двое мужчин, выстраивающих ряд деревянных конструкций.

Ледяное беспокойство покалывает мою кожу, когда я снова осматриваю строения более внимательным взглядом. Горы бревен разной длины сложены внизу так, что становятся похожи на растопку для костра.

Это площадь для *казни*.

И, судя по последним словам Зандера, обращенным ко мне, я уверена, что знаю, какая казнь предназначена мне. Мои внутренности холодеют, когда я наконец осознаю истинную серьезность своего положения.

Король может по-прежнему любить ту, кем он меня считает, и все же он только что приговорил ее к смерти.

8

Сердце бешено колотится в груди. Все, что происходит сейчас, это какой-то жуткий кошмар, и одна мысль не выходит из головы: если я не выберусь из этой крошечной камеры до восхода солнца, то мне конец.

Софи говорила о мистических существах – о богах – и заставляла пламя танцевать на кончиках своих пальцев. Намекала на существование других, высших, созданий. Например, кого? Все, кого я повстречала, были людьми. *Озлобленными* людьми, думающими, будто я воскресла из мертвых после убийства их короля с королевой и подстрекала жителей их города к восстанию.

Но *где* находится эта Цирилея? Где на земле может существовать средневековый город с войной, развернувшейся прямо на городских улицах, и королем, который не слышал о Нью-Йорке? Королем, что казнит людей и говорит о неких заклинателях и магических силах?

Неужели в мире может существовать волшебство?

Столетия назад они тысячами сжигали женщин за колдовство из-за суеверий, а не фактов. По крайней мере, так написано в учебниках истории. Но что, если магия – это правда? Что, если Софи каким-то образом вернула меня в то время, в место, которого больше нет на карте? Либо так, либо...

Ты собираешься войти в мир, не похожий на тот, кото-

рый знаешь.

На небе две луны.

Нет, это невозможно.

Ничего из этого не может происходить. Это бред. Такой же, как у моего отца. Мой худший кошмар – что его болезнь наследственная – сбывается.

И все же мою ладонь саднит от клинка Зандера, а колено – от удара о каменный пол, и звук захлопывающейся двери камеры по-прежнему звучит в ушах. А завтра утром, когда я буду прикована к одному из тех столбов и дрова загорятся, все услышат мои крики – в этом я уверена.

Где бы я ни находилась, это все слишком *реально*.

Я и прежде бывала в отчаянных ситуациях – черт, да все последнее десятилетие моей жизни одна сплошная отчаянная ситуация – однако ж сейчас все ощущается иначе.

Прохаживаясь по камере, я чувствую, как с течением времени стены становятся все ближе. Я делаю паузу – достаточно долго – и смотрю на небо. С этого ракурса видно только одну луну – нижнюю, большую – и она все еще ярко светит, но до рассвета не так уж и много часов.

Я тереблю кольцо на пальце: его белый камень гладко касается моего большого пальца.

– Софи, если ты слышишь... вытащи меня отсюда, – бормочу я полным отчаяния голосом.

Кольцо помогло мне, когда понадобился свет в глубоких темных водах. А вдруг оно как-то сможет взломать замок

или...

Взломать замок.

Преисполнившись надежды, я тянусь к влажным волосам. Вероятно, они были уложены и скреплены золотыми заколками, вроде той, что король держал на ладони. Если только...

Мои пальцы находят металл. Я с облегчением достаю из волос заколку, прихватывая заодно и парочку прядей. У меня почти вырывается смех, когда я отыскиваю еще три таких же шпильки в этой замысловатой прическе. Затем спешно опускаюсь на колени перед дверью камеры, молча благодаря Тэррин за еще один навык, которому она меня научила. И пусть я уже много лет не взламывала замки, основы я помню.

С этого ракурса плохо видно, но замок на двери камеры похож на обычный висячий, только старый, громоздкий и железный. Это не очень удобно, однако мои руки довольно худые, а булавки длинные. И более хрупкие, чем я думала. Первая сразу же ломается.

Выругавшись, я откладываю заколку в сторону. Со второй обращаюсь более осторожно, когда просовываю ее в замочную скважину. Работаю очень аккуратно, двигая туда-сюда. Руки болят от напряжения. Наконец раздается щелчок. Едва дверь камеры распахивается, меня охватывает невероятное облегчение, пусть я и знаю, что это лишь первая преграда, которую мне придется преодолеть, чтобы вырваться отсюда.

Задавшись новой целью, я бегу обратно к окошку, чтобы лучше подготовиться и оценить ситуацию. В этот позд-

ний час площадь патрулирует только один страж. Те, кто возводил конструкцию, ушли, поскольку их работа завершена. Несколько мгновений я наблюдаю за площадью, ища малейшее движение в тени, но, кажется, ничего там нет. Либо Боз уверен, что никто не попытается меня освободить, либо он попросту не может выделить больше солдат на патрулирование площади, ведь они нужны где-то еще, пока в городе продолжаются беспорядки.

Возможно, ему следовало бы больше беспокоиться о том, что его драгоценный король непреднамеренно указал мне выход.

Я начинаю считать шаги единственного стража, как делала много раз до этого, – признак усталости человека, пытающегося пережить длинную смену на работе. Двадцать шагов до наполненной сеном повозки, затем он возвращается к башне, а после идет в противоположном направлении – тридцать шагов к первому костру. Он проделывает это несколько раз, так что я неизменно насчитываю двадцать шагов до повозки и тридцать до костра.

Если сумею выскользнуть, пока он стоит ко мне спиной, у меня появится шанс.

Я направляюсь к винтовой лестнице, и кровь шумит в ушах, пока спускаюсь. Колено пульсирует, но я стараюсь изо всех сил и делаю неровные, медленные шаги. Приходится почти каждый раз останавливаться и прислоняться к стене, чтобы подавить головокружение. Все это время я считаю,

надеясь, что не ошибаюсь в темпе стража. *Двадцать шагов влево, двадцать шагов назад. Тридцать шагов вправо, тридцать шагов назад.*

К тому времени, когда деревянная дверь предстает перед моим взором, я уже на грани – меня вот-вот стошнит из-за нервного напряжения. Сейчас или никогда. И пусть лучше меня ранят стрелой при попытке сбежать сегодня вечером, чем поджарят перед всем честным народом на площади завтра.

Шесть шагов отделяют меня от смерти или побега, если я не отступлю.

Я делаю глубокий вдох и...

Дверь со скрипом открывается, и фигура в капюшоне проскальзывает внутрь, закрывая за собой дверь. Застыв, я широко распахнутыми от паники глазами наблюдаю, как человек откидывает свой темно-зеленый капюшон, обнажая голову с густыми светлыми кудрями.

Это Анника.

Прежде чем я успеваю решить, что делать дальше – бежать или драться, она поднимает голову и смотрит на меня. Девушка издает тихий вскрик, но через долю секунды берет себя в руки.

– О, Судьбы, ну ты и находчивая. – Она опускает взгляд своих ярко-голубых глаз на мои пустые руки. В свете факела я вижу, что она так же красива, как и ее брат, хотя они совсем не похожи друг на друга: цвет ее кожи светлее, лицо

овальной формы, губы пухлые.

– Что ты собиралась делать? Выйти во двор и помахать стражу?

Почему она еще не кричит? И что вообще делает здесь, в башне? Уже полночь.

Анника протягивает мне сложенную угольно-серую ткань.

– Вот, надень это. У нас мало времени. Я сказала стражу, что Боз ищет его. Они довольно скоро поймут, что это ложь, и тогда не будет никакого способа вытащить тебя отсюда.

Я смотрю на нее. *Анника помогает мне сбежать?*

– Быстро! Пока я не передумала, – шипит она.

Приняв из ее рук ткань, я спешу вниз по последним ступенькам. Тканью оказывается шерстяной плащ, и я накидываю его на плечи.

Анника выглядывает за дверь.

– Не поднимай голову, не разговаривай, а если попытаешься бежать, я крикну.

Она пронзает меня предупреждающим взглядом, прежде чем натянуть капюшон на голову. Я слеую ее примеру, а после девушка выводит меня в ночь. Почти сразу мы поворачиваем налево, минуя площадь. Темп у нее быстрый, она петляет по лабиринту узких коридоров и тропинок. Я сосредотачиваюсь на развевающемся крае ее плаща и больше ни на чем, считая шаги и пытаюсь отследить меняющееся направление. Это давняя привычка, хотя я и знаю, что в данном случае мне не удастся повторить этот путь.

Все время я беспокоюсь, что она заманивает меня в очередную ловушку, но другого выбора нет. Остаться в башне – это гарантированный смертный приговор. Доверие Анники дарит мне крупицу надежды.

Мы мчимся вниз по крутой лестнице, затем через длинный коридор – ширины достаточно лишь для одного, а потолок в дюймах от моей головы. Анника несет фонарь, который взяла, пока мы шли сюда. Это единственный источник света.

– Здесь, внизу, мы должны быть в безопасности. Особенно в такой час. – И это первые слова, которые она произносит с того момента, как мы покинули башню.

– Где мы? – осмеливаюсь я спросить.

– Под замком. – Анника открывает еще одну дверь и останавливается, чтобы оглядеться, прежде чем пройти внутрь. – Так гораздо безопаснее, чем проходить через него, а выходить на улицы слишком опасно. Все стражи в Цирилее сегодняшней ночью там, патрулируют окрестности.

– Подвал, – бормочу я себе под нос, глаза на бесконечную пещеру со сводчатыми потолками и массивными колоннами, из-за которых замок Софи напоминает лишь жалкую лачугу. Торопливые шаги Анники отдаются эхом, мои же не издают ни звука. Хоть что-то положительное в том, что я босиком, пусть и вздрагиваю от быстро появляющихся порезов и царапин.

– Матушка настояла, чтобы мы не брали тебя сюда, пока

не убедимся, что можем тебе доверять. Она не хотела, чтобы ты знала все тайны нашего замка и то, как незаметно для других по нему передвигаться. Зандер подумал, что она необоснованно недоверчива, но подчинился. – Ее голос твердеет. – Оказывается, она была права, хотя в конце концов это ничего не изменило, не так ли?

Поскольку я, *видимо*, стояла во главе кровавого восстания.

– Почему ты мне помогаешь? – выпаливаю я.

– Я обязана тебе жизнью, разве нет?

– Но... ты думаешь, я убила твоих родителей. Это *не так*, кстати.

– Зандер упомянул о том, что ты постоянно это отрицаешь. Хотя у нас достаточно доказательств, чтобы подтвердить обратное. – Голос Анники звучит так отстраненно, словно ее родители не были отравлены всего несколько часов назад. Зандер, по крайней мере, горюет по ним. Но, возможно, она еще в шоке. Не похоже, что ее день прошел лучше, чем мой. – Многое сейчас не имеет никакого смысла. Например, то, что ты спасла меня, пусть было совершенно ясно, что ты желала смерти всей нашей семье. Правда в том, что я делаю это не ради тебя. Тебя я *презираю*. Я делаю это ради Илора. И ради Зандера. – Она закусывает свою пухлую нижнюю губу. – Когда устраивался ваш брак, он вовсе не ожидал, что ты станешь ему *настолько* небезразлична.

Мой брак с Зандером был *устроен*?

– Ты обманула его. Одурачила нас *всех*. Хотя мне ты с самого начала не понравилась. Однако мой брат не способен ясно мыслить, и я боюсь, что твой смертный приговор причинит ему гораздо больше боли, нежели он осознает. Даже если ты этого заслуживаешь. – Анника качает головой. – Я не могу объяснить это странное предчувствие и все же предпочитаю прислушаться к нему.

Коридор расходится в двух направлениях: она идет вправо.

– Сюда. Мы должны спешить. Боз забьет тревогу в любой момент.

– У тебя не будет проблем из-за того, что ты помогаешь мне?

Каково наказание за содействие побегу женщины, приговоренной к смерти за убийство короля и королевы?

– Я принцесса Илора. Боз не может меня наказать, – усмеивается она.

– А как же Зандер?

– Я могу справиться со своим братом. – Но хвастовство тут же сменяется волнением, отражающимся в ее глазах.

Что бы ей ни было за этот поступок, приятным оно уж точно не будет.

Я следую за девушкой вверх по узкой лестнице. Анника натягивает плащ поверх фонаря и открывает дверь. Мы снова снаружи, на этот раз в тени, в окружении ветвей. Запах кедра заполняет мой нос.

– Мы в...

Она прикрывает мой рот ладонью. Мы замираем, прислушиваясь к лязгу металла слева от меня. Рядом, должно быть, страж. Откуда-то неподалеку доносятся крики. Я предполагаю, Боз уже знает, что я сбежала, и хочет пустить мне в сердце еще одну стрелу. И это все еще предпочтительнее костра.

Анника убирает руку ото рта. Мы проскальзываем по тайному кедровому туннелю как можно бесшумнее, каждый хруст и шорох ветки заставляет меня затаить дыхание. Кажется, мы в том же саду, в котором я оказалась ранее, хотя из-за этих кедровых стен ничего не видно.

Мы доходим до конца, и Анника открывает свой фонарь. Она ведет меня вниз по лестнице, а затем по другому проходу из камня, на этот раз пахнущему землей и плесенью. Он очень узкий, и у меня возникают сомнения, что большинство солдат смогут пройти через него, если только без доспехов. Вероятно, он был построен для гражданских лиц, нуждающихся в бегстве. В некоторых местах приходится наклоняться, чтобы пройти.

– Мы все еще под замком? – спрашиваю я.

– Нет. Мы проходим под навесной стеной. Я не смогу вывезти тебя из города сегодня вечером, поэтому отведу в святилище, где ты будешь под защитой, пока я не урезоню своего брата. Это единственное безопасное место для тебя в Цирилее. И, возможно, во всем Илоре.

– Ты думаешь, что сможешь это сделать? Урезонить его? –

Вдруг я сумею выскользнуть самостоятельно, как только соберусь с духом. Это будет не первый город, по которому я прокрадывалась тайком, хотя это, безусловно, первый город, где за мной охотится армия.

– Стоит попробовать. Мой брат теперь король, и от него очень многого ожидают. Надеюсь, он научится принимать решения, руководствуясь головой, а не сердцем.

Потому что, видимо, его сердце я разбила.

Одно лишь воспоминание о страдальческом взгляде его глаз вызывает у меня чувство жалости.

Туфли Анники шустро шаркают по каменному полу.

– Как ты освободила меня от мёрта? Он был в необработанном виде, а у тебя были голые руки.

Я помню, как она использовала это слово у реки. Должно быть, она говорит о серебряной веревке.

– Он просто развалился.

– Необработанный мёрт будто тысяча лезвий, что пронзают твою кожу, пока он подчиняет тебя, обездвиживает. Он не может *просто* развалиться под чьим-то прикосновением. – Она добавляет себе под нос: – Это не имеет *никакого* смысла.

– Прямо как история моей жизни на данный момент.

Люди не просыпаются в чужой, средневековой стране с армией, преследующей их после того, как сумасшедшая женщина пронзает их грудь острым предметом, и все же *вот она я*.

– Ты не такая, как раньше. То, *как* ты говоришь, о каких

странных вещах толкуешь...

– Я пыталась вам сказать. – Может, если они начнут замечать, как плохо я вписываюсь в этот средневековый косплей, то перестанут настаивать на том, чтобы меня убить.

Нам попадается еще одна лестница, но она ни к чему не ведет.

– Хотя, полагаю, ты бы выглядела иначе. Это *настоящая* Ромерия, не так ли? Версия, которую мы видели раньше, была фарсом, дабы нас покорить.

– Это не то... – *Что я имела в виду.*

Я вздыхаю. Как я должна объясняться, когда они не верят ни одному слову, которое вылетает из моих уст? Опять же, если верить Софи, то знать, кто я на самом деле, не менее опасно.

– Возьми. – Анника протягивает мне фонарь и обеими руками дергает за рычаг. Потолок над нами смещается в сторону со скрежетом, словно камни царапают друг друга. Он открывается достаточно широко, чтобы можно было пролезть.

Аника берет фонарь и ведет меня наверх.

– Это так круто, – бормочу я, оценив скамью красного дерева, которая сдвинулась, открывая секретный проход.

– *Круто*, – эхом повторяет она, словно пробуя слово на вкус. – Ибарисанцы такие странные.

Я быстро осматриваю окрестности. Их святилище – церковь, и похоже, что мы находимся в дальнем ее углу.

– Пойдем, найдем верховную жрицу. С ней нужно посо-

ветоваться, если хочешь получить здесь приют.

Сейчас же полночь.

– Разве она не спит у себя дома?

Анника усмехается.

– В такую ночь?

Я следую за Анникой, пока она петляет по проходам и поперечным сечениям нефа¹⁰, мимо величественных колонн, рядов скамеек и открытых площадок. Над нами – даже ночью – мерцает золотая мозаика, но здесь слишком темно, чтобы разглядеть рисунки и узоры. В воздухе пахнет сладкими соснами и розами.

Анника пересекает середину и направляется к главному проходу, по-прежнему освещенному факелами с открытым пламенем.

Я гляжу на цветочные композиции, выстроившиеся вдоль дорожки к алтарю, состоящие из розовых цветов размером с обеденную тарелку – их аромат такой же сильный, как если бы я зашла в цветочный магазин. Вдоль этого центрального прохода, наверное, тысячи цветов.

– Это была бы красивая свадьба. – Взгляд Анники скользит сначала по букетам, затем по моему платью, а после она неохотно добавляет: – Должна отдать тебе должное, ты была бы потрясающей невестой.

¹⁰ Неф – вытянутое помещение, часть интерьера, ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов, отделяющих его от соседних нефов. Также нефом называют часть церкви западнее средокрестия, предназначенную для мирян, в отличие от хоров для клириков.

До меня доходит смысл ее слов. Ошеломляющее осознание.

– Я должна была выйти за него замуж *сегодня*.

Я смотрю на свое платье. Даже разорванное, окровавленное и вконец испорченное, оно все равно потрясающее. Вероятно, это было мое свадебное платье. И все эти цветы, наконец, для нашей церемонии.

Но в тот день, когда я должна была выйти замуж за Зандера, я убила его родителей.

Кто эта другая ужасная версия меня?

– Да. И в нимфеуме¹¹ ты бы занималась с моим братом вещами, которые я не желаю даже вообразить. – Ее носик, похожий на кнопку, морщится. – И кто знает? Возможно, Судьбы благословили бы вас потомством в ночь кровавой луны.

Кровавая луна.

Софи сказала что-то об этом за мгновение до того, как ударила меня ножом.

– Ты могла бы принести мир стольким жизням, если бы только преодолела свою ненависть к нам. – В глазах Анники мелькает блеск, и она ускоряет шаг к алтарю. – Я обеспечу тебе убежище и попробую убедить брата либо оставить тебя в плену, либо сопроводить через Разлом в твое королевство. Я бы предпочла второй вариант, поскольку не хочу, чтобы

¹¹ Нимфеум, нимфей – небольшое святилище, посвященное водным нимфам, обычно сооружалось у источника воды или водоема. Представляет собой полукруглое здание с колоннами, иногда в несколько этажей.

мне и моим братьям пришлось снова лицезреть твое коварное лицо. Сомневаюсь, что военный совет поддержит такой план, но, если так случится, ты вернешься в Ибарис, восхвалишь Илор за его милосердие и убедишь своих людей, что мы не те монстры, коими ты нас изображаешь. Мы просто делаем то, что должны, чтобы выжить.

Я пытаюсь осмыслить ее слова, но отвлекаюсь от всех иных мыслей, едва взглянув на алтарь.

Или, точнее, на четыре величественные скульптуры, стоящие по углам алтаря, высеченные из камня и отполированные до блеска.

Мои глаза мгновенно останавливаются на той, у которой рога вывернуты высоко к потолку. Его грудь широкая и мощная, как и остальная часть скульптурного обнаженного тела. Он стоит, как человек, но на копытах. Его нельзя спутать ни с кем. Это вырезанное из камня существо в хранилище Софи – *Малакай*. Она назвала его Судьбой. В углу напротив него стоит высокая стройная женщина с миниатюрной грудью и широкой короной рогов, торчащей из головы.

Ифу.

Еще две статуи стоят в других углах. Я не заметила этих существ в склепе Софи, хотя тогда я отвлеклась на другое. Одна из них – женщина с пышными изгибами в виде песочных часов и крыльями бабочки, торчащими из спины; другой – коренастый мужчина с двумя более короткими изогнутыми бычьими рогами.

Это четыре *Судьбы*, о которых говорила Софи. Четыре божества, по ее словам, отвечающие за всю жизнь на планете. По логике вещей, они также должны быть и богами местного населения, раз уж стоят рядом с алтарем. Я никогда не слышала, чтобы кто-то поклонялся подобным идолам.

Когда мы подходим ближе, на лице Анники отражается паника.

– Маргрет?

Она взбегает по пяти мраморным ступеням помоста. Я замечаю пару ног, торчащих из-под складок белой ткани, за секунду до того, как Анника обходит алтарь. Ее голубые глаза расширяются, рот открывается, а затем она издает оглушительный крик, который рикошетом разносится по огромному пространству.

Я взбираюсь по ступенькам, и страх охватывает меня изнутри, пока я готовлюсь к еще одному мертвому телу.

Но то, что я вижу, *намного* хуже.

Половина шеи женщины вырвана с корнем, дыры зияют там, где раньше были глаза. Она лежит в алой луже, кровь впитывается в нетронутую белую одежду. На животе глубокие следы когтей, утроба разорвана в клочья.

Так много крови.

– Кто мог сотворить с ней такое? – шепчу я.

Анника спотыкается о собственные ноги, пытаюсь отступить от тела.

– Нам нужно вернуться в замок. *Сейчас же.*

– Но ты сказала, что это единственное место, где я буду в безопасности от казни?

– Сейчас здесь явно небезопасно! Только не с *дэйнаром*, разгуливающим внутри городских стен! – Она протягивает руку к изуродованному телу. – Не когда он убил *единственного* человека в Цирилее, который может отправить его туда, откуда он пришел.

– *Что?*

– У нас нет времени на игру, в которую ты играешь, Ромерия. Дэйнаров в Илоре не было уже две тысячи лет. – Она мчится по центральному проходу, но затем останавливается и поворачивается, чтобы посмотреть на меня. – Ну конечно... Это была ты, не так ли? Твой заклинатель призвал его?

Она, должно быть, имеет в виду Софи. Зандер ей все рассказал?

– Грандиозный финал Ибариса – позволить одной из этих тварей разорить наш народ в день, когда ты и так причинила столько вреда?

– Нет! – По крайней мере, я *надеюсь*, что нет. Как кто-то вообще может быть причастен к выпусканию на свободу существа, способного на такой ужас?

Анника продолжает отступать назад по проходу.

– Оставайся здесь, если хочешь. Это твой зверь. Может, ты способна его приручить. Но здесь ты не получишь убежище, не от трупа.

Движение слева от меня.

– Мне нужно добраться до брата, пока он не...

– Анника. – Холодная волна страха накрывает каждый дюйм моей кожи, пока я наблюдаю, как призрачная фигура поднимается между скамьями, взбираясь на высоту, намного превышающую любого человека. – Замри.

Либо завидев ужас на моем лице, либо услышав его в моем голосе, Анника следует за моим взглядом и поворачивается лицом к фигуре, которая медленно, крадучись, движется вперед вдоль узкой скамьи.

Свет факелов освещает существо, и оно страшнее, чем все, что я когда-либо видела в фильмах ужасов. Но, наверное, потому, что этот монстр *настоящий*.

Сложенные крылья летучей мыши торчат из сторбленной спины, висят лохмотьями, будто кто-то раскромсал их когтями. Кожа твари выглядит обугленной, как у почерневшей курицы, а между трещинами сочится желтая жидкость. Но больше всего мое оцепеневшее внимание приковывают два рога – извилистых черных рога, торчащих из выпуклого лба.

У меня пересыхает во рту. Это может быть только дэйнар, зверь, растерзавший верхнюю жрицу. И теперь он присматривается к следующей добыче.

– Во имя всех Судеб... – Анника, двигаясь очень осторожно, отступает от него.

Существо издает гортанный звук и с легкостью запрыгивает на заднюю часть скамьи, демонстрируя жилистые задние лапы, которые выглядят достаточно мощными, чтобы

подбросить его в воздух, даже если крылья подведут. Голова чудища откидывается назад, дабы понюхать воздух, но его глаза не отрываются от Анники: он сидит, будто горгулья, и ждет, позволяя ей установить между ними некоторое расстояние. Ждет, пока его цель побежит, чтобы погнаться за ней, прежде чем убить, как он убил верховную жрицу.

Вероятно, он или кто-то из его вида убил ту женщину на парковке завода.

Мой отец все это время говорил правду о том, что видел. Однако сейчас не стоит пересматривать его заблуждения. Аннику вот-вот разорвет ужасная тварь, потому что эта девочка помогла мне бежать. Ее кровь будет на моих руках – новое прегрешение в глазах короля. Пусть я и не заслужила обвинение за то, что произошло до момента моего пробуждения, но, если я позволю этому монстру растерзать ее, это точно будет моя вина.

Если Аннике удастся добраться до прохода, дэйнар не сможет следовать за ней через это узкое пространство. Она вернется в замок и предупредит Зандера.

Адреналин бурлит в моих венах, когда я беру с алтаря позолоченную чашу.

– Эй!

Я что есть мочи бросаю ее в голову дэйнара. Она попадает по верхушке его рога, и зверь рычит в ответ, поворачивая в мою сторону светящиеся красные глаза. Я не обращаю внимания на дрожь, пробегающую по телу под этим хищным

взглядом, и тянусь к следующему ближайшему предмету – каменной чаше, которую будет труднее бросить, но она принесет больше боли, если попадет в цель.

Я кидаю ее в существо. На этот раз чаша приземляется прямо на его грудь. С новым ревом, на этот раз пронизанным яростью, дэйнар бросает свою первоначальную цель, прыгая со скамьи на скамью к помосту, разрывая куски дерева своими острыми, как бритва, когтями.

Я бросаю в него еще одну чашу, чтобы сосредоточить его внимание на себе, и шиплю:

– Беги! – Возможно, я смогу выиграть для Анники достаточно времени.

– Ты злишь его! – шипит она в ответ.

– Разве не так приручают подобных тварей? – издеваюсь я, но от страха у меня сковывает ноги.

– Он убьет тебя!

– Все же лучше, чем сгореть заживо.

Надеюсь.

Я шарю в поисках другого предмета, всего, что могу в него бросить. Я сжимаю кулак над рукоятью изогнутого кинжала, смутно осознавая, что он скользкий от крови. Оружие не слишком годное, но придется действовать.

Пол подо мной содрогается, когда дэйнар приземляется на помост. Я выбрасываю Аннику из мыслей, сосредоточившись теперь на том, как мне выжить в этой ситуации. Зверь смотрит на меня, поднимаясь по ступенькам, его губы при-

открылись, обнажив ряд полупрозрачных пожелтевших зубов...

Такое существо невозможно укротить, даже если бы это я выпустила его на волю.

Он ступает вперед с тяжелыми, сопящими вдохами, замедляясь, словно решая, в какую сторону вокруг алтаря он должен пойти – вправо, мимо туши своего последнего убитого, или влево, обходя алтарь спереди. На концах его когтей я вижу неровные зазубрины, помогающие удерживать добычу на месте.

Изо всех сил я пытаюсь не обращать внимания на вонь его гниющей плоти, сжимая в кулаке рукоять кинжала и отступая. Если я смогу ранить его достаточно, чтобы замедлить, возможно, смогу добраться до прохода, если Анника еще не закрыла его. В противном случае я убегу через двери и заставлю Боза и его людей преследовать кого-то куда более опасного, чем я.

Я быстро пинаю канделябр, отправляя его в полет. Дэйнар отмахивается от него, словно это не более чем муха. С глубоким рычанием он делает выпад.

– Давай! – кричу я, изо всех сил нанося удар сверху, вонзая лезвие твари в живот. Его ответный рев гремит в моих барабанных перепонках. Не теряя ни секунды, я поворачиваюсь и бегу.

Я преодолеваю все шесть футов, прежде чем острые когти пронзают мое плечо, прорезая плоть и кости. Я вою в аго-

нии, когда меня тянет назад. Боль невыносима. Когти зверя действуют как крюки, закрепляя меня на месте, ограничивая мою способность двигаться. Он не торопится, смахивая другой лапой выбившиеся пряди волос с моей шеи. Жест странно нежный – почти человеческий – и все же кончик его когтя царапает мою щеку, как бритва разрезает кожу, напоминая мне, что это *далеко* не человек.

Какая бы безумная храбрость ни заставила меня бросить вызов этой твари, она исчезла, оставив меня дрожать от ужаса.

Дэйнар наклоняется и глубоко вдыхает, словно наслаждаясь ароматом вкусной еды, которую собирается съесть. Я смутно ощущаю жжение кольца Софи на своей коже, но мысли не задерживаются на этом надолго, слишком занятые борьбой с реальностью – плод воображения моего отца вот-вот убьет меня.

Дэйнар открывает пасть, и из верхней челюсти высовываются игольчатые клыки. Леденящий кровь крик поднимается к горлу, когда они вонзаются мне в шею. Ожог поначалу невыносим, но боль быстро уходит, как и любые попытки сопротивляться.

Где-то далеко мой разум улавливает пронзительный крик агонии, прежде чем тьма поглощает меня целиком.

Софи изо всех сил пыталась поднять свое обмякшее тело с земли. Она никогда раньше не направляла столько силы – сомневалась, что кто-либо вообще делал нечто подобное, – и это оставило ее на грани забвения. Но сейчас было не время поддаваться слабости.

Что-то случилось.

Она использовала все силы, оперлась на каменный гроб, чтобы подтянуться туда, где лежали два тела.

Дар Малакая, глубоко погруженный в грудь Ромерии и пылающий сияющим пламенем, быстро испарился. Как и отблеск света от золота в ее кольце.

У Софи внутри все сжалось от волнения, пока она смотрела, как гаснут символы. Ее задача выполнена. И сейчас ей ничего не оставалось, кроме как ждать.

Ждать и молиться, чтобы девушка не подвела ее.

Софи достала свое обручальное кольцо. Заклинания, которые она наложила на него, теперь оказались привязаны к новой форме Ромерии. Не было нужды украшать труп.

Скрежещущий звук, донесшийся из-за спины, привлек ее внимание. Еще до того, как повернуться, она знала, что Малакай вернулся. Без вызова. Она находилась на грани обморока, но поклонилась, как делала каждый раз, упав на колени и коснувшись лбом камня.

– Поднимись.

Судьба Огня стоял перед ней с полностью восстановленным рогом. Малакай ревел в агонии, когда повредил его, но пообещал, что рог снова станет целым.

– Все готово. Теперь она привязана к Илору на всю жизнь. – Его пронзительный взгляд пробежался по фигуре Софи.

Она знала, зачем он пришел на этот раз. Было ли это требованием для всех его элементалей, или Малакай считал ее особенной в этом отношении?

Сбросив одежду, Софи поднялась на алтарь.

Я просыпаюсь под звон церковных колоколов и с воспоминанием об аромате зловонной плоти, застрявшем в ноздрях.

Мне хотелось бы убедить себя, будто все это было лишь страшным кошмаром, что я снова в своей квартире-студии в Челси и беспокоюсь только о гневном Корсакове, но я лежу на чужой кровати и мое тело болит, как никогда раньше.

Я помню...

Анна ведет меня по секретным проходам и крутым лестницам в святилище. Жуткие останки изуродованного тела верховной жрицы за алтарем. Этот монстр с красными глазами и обугленной плотью вонзает когти и зубы в мое беспомощное тело.

И все же я здесь, пялюсь на мягкий балдахин из шелка серо-коричневого и голубого цвета.

– Почему я не мертва? – хриплю я, никого конкретно не спрашивая.

– Сообщите, что она проснулась, – шепчет незнакомый голос.

Я пытаюсь повернуть голову в сторону говорящего. Острая боль пронзает мою шею, срывая шипение с губ.

– Осторожнее. Вы все еще в процессе исцеления. – У моей постели появляется женщина в белом облачении с золотой отделкой, на ее лбу залегла тревожная морщинка. Ее наряд

напоминает мне одеяние монахини, хотя золотая вуаль прозрачна и воздушна, а под ней виднеются шелковистые волосы.

– Сколько времени прошло? – Мой голос такой хриплый.

– Три дня. – Она устало улыбается – первая искренняя улыбка, которую я видела за всю жизнь. – Вы, должно быть, испытываете жажду. Позвольте мне. – Устроившись на краю моей кровати, она нежно скользит рукой по моему затылку и приподнимает мою голову. – Пейте, но медленно.

Мне удастся сделать несколько глотков воды из серебряной кружки, которую она подносит к моим губам, затем я гляжу на ее лицо. Седина тронула виски, вплелась в волосы, вокруг глаз и рта собрались морщинки. Ей за пятьдесят, если я не ошибаюсь.

Глотать больно.

– Спасибо, – говорю я, когда она высвобождает руку. У меня нет сил подтянуться.

– Что случилось?

– Вы не помните? – Округлые серебристо-голубые глаза изучают мое лицо.

– Это зависит от того, был ли тот большой страшный демон с гигантскими рогами настоящим?

– Дэйнар. Да, он определенно был настоящим.

Я вздыхаю. *Слава богу.* Я думала, что потеряла рассудок. Хотя не уверена, что предпочла бы это другой реальности – что мой отец был прав с самого начала и что демоны суще-

ствуют.

– Он убил ту женщину.

Глубокая печаль отражается на ее лице.

– Верховная жрица Маргрет скончалась от полученных травм, да.

Она знала ее. Ну, так мне кажется. Учитывая ее одеяние, я предполагаю, что женщина каким-то образом связана с церковью. Церковью, преклоняющейся перед богами с торчащими из голов рогами. В какой новый ад меня забросила Софи?

– Я сожалею о вашей утрате.

Женщина склоняет голову в знак признательности.

Сон терзает мое ослабшее тело, но у меня слишком много вопросов.

– Что произошло после того, как эта тварь напала на меня? Как меня не постигла та же участь, что и верховную жрицу?

– Дэйнар мертв. Вы убили его.

– *Как?* Нет... Это невозможно. – Я пытаюсь прорваться сквозь туман в своей памяти. Он держал меня в своих челюстях. Я была беззащитна перед ним. – Он укусил меня.

– Да, мы тоже не смогли этого объяснить. Насколько мне известно, никто никогда не переживал подобное нападение. – В ее голосе звучит сомнение, точно она все еще борется с этой правдой. – Мы полагаем, что дэйнар пытался питаться тобой, но твоя кровь навредила ему.

– Он питался мной? – Мое лицо искажается от ужаса.

– Недолго. Он отшвырнул тебя в сторону, издал ужасный пронзительный крик, который был слышен по всей Цирилее, – она вздрагивает, словно вспоминая этот звук, – а затем вспыхнул пламенем. Мы предполагаем, что он вернулся в Азодем.

Азодем. Зандер упоминал это название, когда приговаривал меня к смерти. Учитывая, что он думает, будто я убийца, это, должно быть, их версия ада.

– Только заклинатель-элементаль мог изгнать дэйнара. – Женщина внимательно изучает меня.

И снова этот разговор о заклинателях. Зандер обмолвился об этом в башне, а затем и Анника в святилище.

Аника.

– Она сбежала? В ту ночь там была сестра короля...

– Моя сестра здорова, – прерывает меня низкий голос.

Женщина, ухаживающая за мной, вскакивает с кровати и приседает в глубоком реверансе.

– Ваше Высочество. Я не ждала вас так скоро.

Я сглатываю, борясь со вспышкой нервозности и страха, и прислушиваюсь к размеренным приближающимся шагам, опасаясь, что пережила растерзание демоном только для того, чтобы снова оказаться на костре.

Бессмысленно лечить мои раны только затем, чтобы он мог посмотреть, как я горю. Но порой люди выбирают весьма неразумные пути в поисках передышки от душевной боли. Моя мать научила меня этому.

Зандер появляется у моей постели. Он снова одет во все черное, хотя сюртук, в котором он пришел ко мне в башню, заменен на более царственный, из бархатистой ткани. Вышивка на лацканах напоминает мне о волнах, разбивающихся о скалы, охристая нить подчеркивает глубокие золотые блики в его волосах. Его меч и кинжал по-прежнему при нем.

И эта каменная, нечитаемая маска до сих пор на месте.

Я не могу отвести взгляда от этого человека – короля, за которого должна была выйти замуж и который теперь желает мне смерти.

Дневной свет дарит мне возможность получше рассмотреть его лицо, которого не было видно под луной – идеальный баланс между резкими и симметричными, более мягкими чертами: квадратная челюсть, обрамляющая полные губы, острые скулы, а над ними большие, глубоко посаженные глаза, длинный нос с тонким кончиком, наверху встречающийся с аккуратными бровями.

Наверняка это неразумно и может рассматриваться как вызов, но я выдерживаю его пристальный, оценивающий взгляд. Глаза короля орехового цвета. Они были бы прекрасны, если бы не наполнились ненавистью.

– Как ее раны? – спрашивает он через мгновение.

– Заживают, Ваше Высочество.

– Покажи мне.

Его слова – отголосок тех, что он говорил в башне, когда требовал показать рану на моей груди. Воспоминание о его

нежном прикосновении к моей покрытой синяками коже вызывает неожиданную дрожь по всему телу.

У женщины прохладные пальцы. Она снимает повязки, обнажая мою шею. Выражение лица Зандера ничего не говорит.

– Насколько плохо?

Я потеряла часть тела, как Маргрет? Смогу ли я пользоваться правой рукой после того, как эта штука проткнула мне плечо?

– Не так плохо, как можно было бы ожидать. – В конце она добавляет более тихое «Ваше Высочество», и я понимаю, что она разговаривает со мной.

Я вовсе не чье-то Высочество. Я просто Ромерия, или сокращенно Роми. Однако я помню, кем *должна* быть, кем *все* меня считают.

– Почему бы тебе не показать ей, Вэнделин, – предлагает Зандер.

Женщина – Вэнделин – кивает и, устремившись куда-то, возвращается через мгновение.

Все это время ореховые глаза Зандера не отрываются от меня. Как будто он ждет толчка или подсказки, невысказанного ответа на свои мысли. Это нервирует, и я не могу не отвести взгляд.

Вэнделин держит передо мной ручное зеркало с замысловатой позолоченной окантовкой.

Я смотрюсь в отражение.

И там *мое* лицо. То, которое я знала всю свою жизнь, когда моя жизнь еще была обычной в Ист-Ориндже, штат Нью-Джерси, и после, когда она превратилась в нечто совершенно *необычное*. Те же голубые глаза Адриатического моря, те же волосы, черные, словно беззвездная ночь. Та же самая пыль веснушек на переносице, почти незаметная.

Как я могу быть *той* Ромерией, которую знала всю жизнь, и этой, другой, Ромерией – принцессой королевства в незнакомом мире?

Та, кто путешествует в чужие земли.

Софи так мало говорила за то короткое время, что мы пробыли вместе. Ее слова были расплывчаты, непонятны тогда, но сейчас все начинает вставать на свои места.

– Мне потребуется время, чтобы залечить их, однако у меня нет опыта лечения ран от когтей дэйнара. Боюсь, останутся шрамы, – сообщает Вэнделин, напоминая мне, что кое-кто внимательно наблюдает за мной.

Я отвлекаюсь от своего лица в отражении, которое в то же время принадлежит кому-то другому, и осматриваю две колотые раны над яремной веной – крошечные точки, совершенно противоречащие смертоносным клыкам, вонзившимся в меня. Что имела в виду Вэнделин, когда говорила, будто исцелила их? Даже когда я задаю себе этот вопрос, ответ задерживается в тайниках моего разума. Она говорит... *о магии?*

– Что с ее рукой? – спрашивает Зандер.

Вэнделин кивает и переводит взгляд на мое плечо, отбрасывая в сторону тонкую хлопчатобумажную ткань. И тогда я понимаю, что кто-то переделал меня, сняв мое запачканное и рваное свадебное платье.

Неприятное чувство – знать, что я была раздета, пока лежала без сознания, но я вытесняю это из своих мыслей, поскольку это в прошлом и нечто иное беспокоит меня намного больше.

Кольцо Софи.

Меня наполняет облегчение, когда я чувствую его присутствие. Они не сняли его. Неужели это кольцо каким-то образом спасло меня от зверя? Вот что Софи назвала защитой? Знала ли она, что на меня нападут?

Зандер наблюдает, как я шевелю пальцами, – ничего не упускает. Его брови хмурятся в замешательстве, а затем снова принимают первоначальный вид. Это мимолетный намек, напоминающий мне, что он пытался отобрать у меня это кольцо.

Вэнделин снимает с моего плеча прозрачную повязку и поднимает зеркало.

– Сначала было намного хуже.

Четыре жуткие полосы – каждая не менее шести дюймов в длину и одного дюйма в ширину – прорезают мою кожу там, где когти зверя вонзились в тело. Странно, что швов нет. Я ожидала десятки, и все же моя плоть, кажется, срослась без помощи иголки и нити. Шрамы будут ужасными, но могло

быть намного хуже. Хотя бы глаза по-прежнему на месте.

– Оставь нас, – мягко командует Зандер. Это напоминает мне, как голос Корсакова становился тише, когда он отсылал людей. Это означало, что он собирался отомстить и не хотел никаких свидетелей.

– Ваше Высочество. – Вэнделин делает реверанс и выбегает, ее плащ развеивается от торопливых шагов.

Это знак уважения – что люди должны подпрыгивать и убегать при каждом его слове – или она его боится? Он король, но что он за человек? Вся эта сила, люди, кланяющиеся и спешащие выполнять его приказы. Каким бы страшным ни был Корсаков, едва ли Тони или кто-либо из других парней называл его хоть сколько-нибудь близко к *Высочеству*.

Зандер возвышается над моим слабым телом.

– Не стесняйся высказывать свое мнение.

И что сказать? Этот человек приговорил меня к смерти.

После того, как поцеловал меня.

Я встречаю его испытующий взгляд.

– Обойдусь.

Уголок его рта дергается, пока он с любопытством наблюдает за мной.

– Анника сказала, что ты отличаешься от *прежней* себя. Не могу сказать, что не заметил. Я приказал жрице найти признаки магии элементарей в тебе. Другого объяснения тому, что ты выжила после *двух* смертей, которые должны были тебя настичь, просто нет.

– Ты думаешь, я использую *магию элементарей*.

– Не знаю, но я вытяну из тебя правду. – Его прохладные пальцы скользят по моему предплечью, приподнимая его. – На случай, если у тебя вдруг появятся какие-то идеи, это удержит тебя в узде.

Я хмурюсь, глядя на манжету на моем запястье. Она простая, черная и сидит так, будто сделана специально для меня. Это смутно напоминает мне рог из черного обсидиана, которым Софи меня пронзила. Не могу найти застежку и даже шов. Такая же украшает другое мое запястье.

– Как?

Его ответная улыбка не достигает глаз.

– У Илора еще осталась парочка собственных секретов. – Зандер отпускает мое предплечье и отходит от постели.

Моя рука. Та, которую он разрезал своим кинжалом.

Я изучаю свою ладонь. На том месте, где ранее была значительная рана, теперь красуется лишь слабая линия. Я несколько раз сжимаю и разжимаю кулак, проверяя – так и есть, будто ничего и не произошло.

– Ты порезал меня, – слышу я свой собственный голос. Порезал, разве нет?

– Ты поступила со мной гораздо хуже. – Он вздыхает. – Что мне с тобой делать, Ромерия?

Теперь, когда я знаю, что моя шея в порядке, я слегка потираю место укуса, а после поворачиваю голову, чтобы осмотреться. Спальня, в которую меня поместили, namного

лучше сырой камеры в башне. Стены украшены узорами и портретами, углы заполняет мебель. Потолки выгнуты над моей головой футов на двадцать, и дневной свет проникает внутрь комнаты через три больших окна. Стеклянные двери открыты.

Зандер останавливается перед ними.

– Анника сказала мне, что дэйнар был занят ею, пока ты не обратила его внимание на себя. Почему ты это сделала?

– Потому что он бы убил ее. – Другого объяснения этому у меня нет. Я не думала, а действовала.

– И ты знала, что он умрет, если нападет на тебя?

– До той ночи я даже не предполагала, что эта тварь *существует*. Так что нет. Думаю, я поняла, что мое время вышло.

Зандер оглядывается через плечо, бросая на меня бесстрастный взгляд.

– Ты ожидаешь, что я поверю, будто ты не знала о существовании дэйнаров?

– Неважно. Ты все равно не поверишь *ничему*, что я скажу. Его губы кривятся в ухмылке.

– Наконец-то хоть какая-то истина из твоих уст.

Я могла бы прямо сейчас наговорить ему любой правды: что демоны – это галлюцинации моего безумного отца, что магия существует только в мире культа моей матери, – только теперь я сомневаюсь, что это правда. Все, что, как мне казалось, я знала, было перевернуто с ног на голову рыжеволосой женщиной с пламенем на кончиках ее пальцев и с

отчаянной надеждой на воскрешение своего мертвого мужа.

Мой отец верит в демонов.

Он выступал против тех, кто говорил ему, будто их не существует, и куда это его привело? Покинут всеми, выброшен на обочину жизни после несчастного случая. И вот она я, в месте, где все, кажется, верят в существование демонов и магии. Мои шрамы доказывают это. Стоит ли мне твердо придерживаться собственных убеждений и стать обратным отражением своего отца?

Единственное, в чем я уверена: что существует слишком много вещей, которые невозможно объяснить тем, что, как мне казалось, я знала. Но Софи предупредила меня и об этом.

Правила мира, к которому ты привыкла, вот-вот изменятся.

И в мире, где я сейчас застряла, есть королевства, за которые могут убить, звери, питающиеся людьми, и магия, какую я не могу понять.

Бог знает, что еще здесь есть.

Внимание Зандера снова переключается на вид снаружи.

– Как ты его уничтожила?

– Честно говоря, *не знаю*. Я не понимаю, что со мной происходит.

Софи была непреклонна в том, что эти люди не должны узнать мою истинную личность, но что это значит? Что я *не* принцесса Ромерия из Ибариса, а двойник, которого она ка-

ким-то образом внедрила в самый неподходящий момент? Что я не из Илора или Ибариса и ничего не слышала ни о том, ни о другом еще пару дней назад? Где вообще настоящая принцесса? Что Софи сделала со своим телом?

Может, *это* каким-то образом ее тело?

Дрожь паники пробегает по моим конечностям.

Тем не менее невозможно представить, почему знание того, кто я на самом деле, грозит мне еще большей опасностью, но я должна верить, что Софи говорила правду. Она думает, мой успех вернет ей Элайджу, и не стала бы так рисковать.

И все же как мне выжить в этом месте, будучи в теле женщины, убившей королевскую чету?

Думаю, надо исходить из нынешней ситуации.

Я делаю глубокий вдох, не уверенная в том, как это будет воспринято, кроме того, что, скорее всего, не очень хорошо.

– Я *ничего* не помню до того, как проснулась в саду той ночью, когда вытащила Аннику из реки.

Смех Зандера разносится по комнате.

– Невинность через забвение. Как удобно. Кто-нибудь уже использовал эту защиту для объяснения убийства в моем суде? – Он делает драматическую паузу. – Нет, я так не думаю. Ты первая. Поздравляю. – Его тон сочтется сарказмом.

Я закатываю глаза, пока он стоит ко мне спиной.

– Это правда, веришь ты в это или нет. Я не помню свою жизнь в Ибарисе. Не помню, как пришла сюда. Не помню встречи с тобой или чего-то еще, что могло произойти между

нами. – Мои щеки краснеют.

Тишина затягивается, и я задерживаю дыхание, изучая его фигуру, пока жду ответа. Широкие плечи, узкая талия. Я вспоминаю твердые бедра, прижимавшие меня к стене, жесткую хватку рук. При других – совершенно иных – обстоятельствах я бы искала способа привлечь его внимание. Теперь я хочу навсегда исчезнуть из его мыслей.

Наконец, Зандер поворачивается и прислоняется к раме, лицом ко мне, скрестив руки на груди. Поза небрежная, но ничто в его суровом выражении лица не говорит об этом.

– Теряешь сноровку. Я уже поймал тебя на лжи.

– Что ты имеешь в виду...

– Софи. Имя твоей сообщницы?

Дерьмо. Он прав. Как я могу помнить ее, если ничего не помню до той ночи?

– Это была ложь, – выпаливаю я.

Его брови выгибаются, но он молчит. Ждет, пока я расскажу. Я не смею отвести взгляд, чтобы не показаться виноватой.

– Я была в ужасе, а ты требовал имя, поэтому я придумала его.

– То есть ты утверждаешь, что этой заклинательницы не существует.

– Да. Именно так, – лгу я, убеждая себя, что это может быть правдой. Софи вообще ее настоящее имя? Знаю ли я наверняка, что она одна из этих заклинателей?

Кажется, Зандер обдумывает мои слова.

– И все же *кто-то* из Илора тебе помог. Либо кто-то из двора, либо из домочадцев.

– Если и так, то я не помню. Даже не помню, кто я. – Во всяком случае, не *эта* версия Ромерии.

– Однако ты помнишь свое имя. – Он поворачивается, чтобы выглянуть в окно.

Энергия, необходимая для этого разговора с Зандером и избегания ловушек, истощает мое и без того усталое тело. Мы молчим, и я позволяю себе закрыть глаза. Я почти засыпаю, когда его голос возвращает меня обратно.

– Анника утверждает, что ты была так же удивлена появлением дэйнара, как и она.

– Как я и говорила... – До сих пор такие существа существовали только в помутненном разуме моего отца.

– Да, ты доказала, что мы не можем принимать все, что ты говоришь или делаешь, за чистую монету.

Верно. Конечно.

Зандер неохотно вздыхает.

– Но какими бы ни были твои намерения, ты спасла мою сестру от жестокой смерти. За это я благодарен.

Я повторяю его слова, не уверенная, что правильно их слышала. Это была благодарность от короля? Насколько он благодарен? Достаточно, чтобы отменить мой смертный приговор? Я почти боюсь спросить.

– Итак, что теперь?

Его внимание приковано к чему-то вдалеке.

– Стража и слуги, которые сопровождали тебя из Ибариса, уже наказаны за свою измену. Ты мало чего пропустила. Это было быстро и, осмелюсь сказать, милосердно.

Зандер сам провел эту казнь? Или просто приказал? Смотрел ли?

Я съеживаюсь от ужасных картин, появляющихся у меня в голове: дрова, собранные в кучи в ожидании спички, кремня или чего-то еще, что здесь используют; запах горелой плоти в воздухе.

– Кажется, ты расстроена из-за людей, которых *не помнишь*.

Я поднимаю голову и вижу, что он наблюдает за мной. Мой ужас, должно быть, отразился на лице.

– Как можно назвать милосердным сжигание людей заживо?

Крики длятся так долго, что едва ли подобное можно считать гуманным.

– К тому моменту они были едва живы. – Его челюсть сжимается. – И это гораздо лучше, чем отравление.

Я не травила твоих родителей! – хочется закричать мне, но это бесполезно. Как принцесса Ромерия сделала это? Что она использовала? Ризин? Цианид? Сибирскую язву? Они вообще существуют здесь? Она подсыпала яд им в напитки? В еду? Они подавились своими обедами? Случилось ли это в присутствии Зандера?

Многое из того, что он сказал мне в камере башни о моем предполагаемом двуличии, до сих пор остается туманным. Фрагменты, которые я помню, не дают никаких конкретных подсказок. Но сейчас я не осмеливаюсь просить ответов. Если заставить его заново пережить свое горе, это может только сильнее разозлить его, если это возможно. Впрочем, неважно. Важно лишь то, что он верит, будто я их убила.

– Завтра король и королева будут погребены, как и подобает их статусу, – он сглатывает, выражая единственный признак того, что ему трудно говорить о смерти родителей, – и тогда Илор двинется вперед, и мы никогда больше не будем заключать союз с твоим видом.

Моим видом. Он имеет в виду этих ибарисанцев.

Мои мысли возвращаются к голубоглазой девушке с вьющимися белокурыми локонами.

– А Анника?

– Твоя постоянная забота о моей сестре сбивает меня с толку. – Зандер качает головой. – Анника предала меня, и все же, если бы не она, по моему городу бегал бы дэйнар. Вред был бы неопишуемым. Я еще не решил, как ее наказать.

Я заставляю себя спросить:

– А как же я?

– Как же ты... – Он тянется, чтобы разгладить кисточки на оконной занавеске. – Каким-то образом тебе удалось разрушить и спасти Цирилею за одну ночь, и ты утверждаешь, будто не знаешь, как тебе это удалось. – Он тяжело вздыха-

ет. – Люди считают тебя мертвой. Я пока не чувствую необходимости их исправлять. И то, что будущая королева Ибариса находится в плену, может принести мне гораздо больше пользы, чем ее казнь.

Итак, заключение. Не то же самое, что план Анники по моему освобождению, но все же гораздо лучше, ведь выбора у меня нет.

Я позволяю себе слабый вздох облегчения. Уголок рта Зандера изгибается, будто он это заметил.

– Не хочу больше смотреть на тебя или думать о тебе ни минуты после сегодняшнего дня.

Взаимно.

– Ты останешься в этих комнатах одна, теперь, когда все твои слуги мертвы. Я окажу тебе милость и позволю жрице обработать твои раны, чтобы они не гноились, хотя ее таланты лучше использовать в другом месте. Впрочем, большего от меня не жди. Ты проведешь свои дни здесь, без друзей, без союзников. Тебе не на кого рассчитывать.

Хм, одна и не на кого рассчитывать – *я справлюсь*. Я делала это годами.

– Надолго?

– Как я скажу. Конечно, до тех пор, пока ты не перестанешь изображать из себя жертву, прикрываться удобным беспамятством, которое, как ты утверждаешь, на тебя напало, не зная, кто ты и что делала. – Зандер отходит от двери, чтобы встретиться со мной лицом к лицу. Он останавли-

вает на мне суровый взгляд. – Или пока ты не сделаешь какую-нибудь глупость, и я не решу, что больше не стоит тебя удерживать. Площадь для казни никуда не денется.

В воздухе повисает угроза. На площади меня будет ждать костер, который Зандер разожжет на всякий случай.

Он продолжает тем же холодным, резким тоном:

– Ты не доставишь проблем. Не будешь ничего замышлять против Илора. А если когда-нибудь тронешь хоть один волос на голове любого илорианца, я сам тебя убью. И обещаю – я позабочусь о том, чтобы ты *никогда* больше не вернулась. – Его взгляд скользит по моей шее и плечу, а затем по спальне. – Надеюсь, тебе понравится комната. Ты будешь проводить в ней *много* времени.

Пока Зандер идет к дверям, я смотрю ему вслед, делая размеренные глубокие вдохи в попытке успокоить бешено бьющееся сердце.

Бессрочный тюремный срок. Сколько он будет длиться? Недели? Месяцы? Что-то сказанное Софи внезапно всплывает у меня в голове, и я чувствую, как бремя ее слов ослабеваает. Зандер может держать меня здесь как свою пленницу многие годы. Но, по крайней мере, не похоже, что он собирается отправить меня в ту ужасную клетку в башне.

Каким бы ненадежным ни было мое положение, оно намного лучше, чем то, в котором я оказалась три ночи назад. Король может презирать меня, может по-прежнему желать мне смерти, но, судя по всему, не казнит меня, если я не дам

ему повода.

Это прогресс.

Колокола только-только умолкают, возвещая полдень, когда дверь в будуар со скрипом открывается и приближается знакомое шарканье ног.

– Изволите обедать в опочивальне или здесь?

Обедать в опочивальне или будуаре. Это единственный выбор, который мне предоставляется каждый божий день. Думаю, я и в самом деле могла бы выбрать третий вариант и насильно пропихнуть еду в желудок, сидя в медной ванне.

Я бросаю скучающий взгляд в окно, приветствуя Коррин. Наглая служанка стоит в дверях с подносом с едой. Даже не глядя на него, я знаю, что там: кружка разбавленного вина, миска постного рагу, ломтик черствого хлеба и то ли яблоко, то ли груша. Каждый прием пищи одинаков, разница только в соотношении кашеобразных овощей и смеси трав.

– Здесь. Спасибо.

Коррин входит, чтобы поставить мой обед на маленький письменный стол в углу, ее темно-синяя юбка шуршит в такт быстрым шагам. Если не считать коротких ежедневных визитов Вэнделин для лечения моих ран, эта служанка была моим единственным компаньоном. Если можно так назвать женщину, которая доставляет еду и свежую одежду и смотрит на меня с неприкрытой злобой.

Коррин была назначена ко мне из-за «доброты» короля, о

костей она заявила, придя в свой первый день, чтобы принести еду и собрать грязные полотенца, – ее лицо сморщилось, будто учуяв какой-то неприятный запах. Затем служанка продолжила перечислять все, что она *не будет* делать для меня: помогать мне одеваться, ухаживать, купаться. В общем, все, с чем мне и не нужна была никакая помощь, даже учитывая мои травмы. Пока Коррин все это называла, вид у нее был весьма самодовольный, словно она зачитывала послание от всего служебного персонала, говорившее: «*Да пошла ты, падшая принцесса*».

Интересно, чем она заслужила эту неприятную обязанность.

Мое облегчение от того, что я осталась в живых, за последние три недели постепенно исчезло. Стены могли быть украшены красивыми узорами и лепниной, но это по-прежнему была моя тюрьма. У меня имелась спальня для сна и переодевания, будуар, где я бродила, и маленькая комната с ванной, которой я не могла понять, как управлять. Прimitивный на вид унитаз чудесным образом смывал отходы вихрем воды, когда я дергала за цепь. Полагаю, мне стоило быть благодарной, что я не застряла в месте, подсвечиваемом фонарями, где пришлось бы использовать ночной горшок.

Моя дверь заперта снаружи и круглосуточно охраняется. Я знаю это, потому что лежала на полу перед ней, наблюдая сквозь щель, как мелькают сапоги. Дневной страж делает восемь шагов в каждую сторону и волочит за собой левую ногу.

Ночной страж делает десять, слегка пружиня шаг. Одни и те же стражи каждый день.

В первые дни, когда все еще была прикована к постели после нападения дэйнара, я проводила время, представляя все места, где могли бы скрываться секретные коридоры, ведущие прочь из моих покоев. Но я обыскала каждую стенную панель, каждую половицу, порылась под каждым ковриком, и либо они хорошо спрятали их, либо, что более вероятно, заперли меня в комнате без выхода.

Я пленница, которая даже не догадывается, где ее держат, и не имеет возможности собрать хоть какую-то информацию, ведь, согласно заявлению короля, *никто* не смеет потакать моему фарсу с амнезией, отвечая на вопросы, под угрозой сурового наказания. Вэнделин сообщила мне об этом, когда я спросила ее о манжетах на моих запястьях.

Таким образом, я остаюсь в полном неведении относительно того, что меня окружает, снова и снова мысленно прокручивая в голове несколько фрагментов, которые уже выучила, лишь бы не забыть. Если и есть хоть что-то положительное во всем этом, так это то, что последние недели позволили мне смириться с поразительной истиной – демоны и магия существуют.

Вот только теперь мне намного больше не терпится узнать, что еще есть в этом странном мире. Мире, который, как я подозреваю, совсем не мой, причем в самых глубинных смыслах.

– Я вернусь сегодня вечером, чтобы наполнить ванну и принести свежее платье. – Коррин бросает многозначительный взгляд на мою ночную рубашку, ее глаза полны осуждения. В последнее время я стараюсь не менять ее. Свободный прозрачный хлопок намного легче и удобнее, чем тяжелые многослойные шелка и парча. И вообще, какая разница, что я ношу? Мне все равно некуда ходить. – Еще что-нибудь?

Она замирает. Коррин постоянно спрашивает меня, будет ли что-то еще, и всегда задерживает дыхание, словно молится, чтобы этого не случилось.

И отчего я так переживаю?

– Можно, пожалуйста, открыть окно? Хотя бы одно? После обеда здесь становится жарко, и хотелось бы немного свежего воздуха.

Если я не хожу взад-вперед, то смотрю в окна на верхушки деревьев, а вдалеке – на возможные леса и холмы. Стеклопакеты, ведущие на балкон, заперты, а ставни на больших окнах, которые, кажется, способны открываться, заперты, хотя я не могу понять, как и почему. Мои покои, должно быть, на несколько этажей выше – слишком высоко, чтобы с них можно было спуститься. Снизу до меня доносятся звуки смеха, лязг металла – мечей, как я поняла, – однако источников шума я не наблюдаю.

– Я передам вашу просьбу, *Ваше Высочество*. – Таков ее стандартный ответ каждый раз, когда я просила что-то: книгу, бумагу и карандаш для рисования, выход на балкон, дру-

гую еду. И все же ни книги, ни бумаги не прислали, балконная дверь остается запертой, а я глотаю очередную порцию пресной овощной похлебки.

Коррин собирается уйти.

– Не могли бы вы также узнать, сможет ли Анника навещать меня? – Мне нечего терять, если я спрошу, но отчаянно хочется снова поговорить с принцессой. Даже если она не испытывает ко мне ничего, кроме презрения, однако, скорее всего, сможет пойти против указа короля и просветит меня.

Хмурый вид Коррин нельзя спутать ни с чем.

– Принцесса заточена в своем крыле, пока отбывает наказание за помощь *вам*.

Итак, Зандер все-таки наказал свою сестру. Как долго она пробудет заперта? Не так долго, как я, это точно.

Дверь в мои покои распаивается, и входит Вэнделин, неся банку мази. Затем появляется рука, облаченная в цвета Цирилеи – черный и золотой, – и закрывает за ней дверь. Я никогда не видела лиц своих стражей. Единственная причина, по которой мне известно, что они мужчины, это их голоса. У одного приятный акцент.

– Если это все, *Ваше Высочество*.

И, прежде чем я успеваю хоть что-то добавить, Коррин разворачивается на каблуках и уходит, едва делая реверанс в сторону Вэнделин – так торопится сбежать.

– Каким-то образом она заставляет эти два слова звучать как плевок мне в лицо.

Брови жрицы вопросительно изгибаются.

– Что же обидело ее сегодня, Ваше Высочество?

– Я *посмела* попросить открыть окно, чтобы подышать свежим воздухом.

Она понимающе хмыкает.

– Постарайтесь не принимать ее отношение на свой счет. Просто для нее будет безопаснее, если она станет держать вас на расстоянии вытянутой руки.

Потому что так считает король. Почти никакого человеческого общения. Никакого свежего воздуха. Никаких книг. Никакой информации о мире, в котором я заперта. Ни телевизора, ни Интернета, ни телефона, ведь кажется, всего этого здесь не существует.

Зандер не понимает, насколько ужасно его наказание. Я не боялась остаться одна. Я была одинока в течение многих лет. Но в такой ловушке, без возможности выйти наружу, просто невыносимо. В последнее время мне хочется запрокинуть голову и кричать во всю глотку.

– Я думаю, она искренне ненавидит меня. Не удивляйтесь, если однажды Коррин отравит мое рагу.

Губы Вэнделин поджигаются, и я почти слышу слова, готовые слететь с ее языка: *«Это будет довольно оригинальный конец, учитывая то, в чем тебя обвиняют»*.

Несмотря на то, что видимся мы нечасто и практически не разговариваем, я прониклась теплом к лечащей меня закли- нательнице. В ее присутствии я чувствую себя спокойнее. И

самое главное – если она и желает мне смерти, то очень хорошо это скрывает. Я с нетерпением жду ее ежедневных визитов.

Каждый раз при виде нее наружу грозитя вырваться столько вопросов. Она родилась со своей силой, или ее научили магии? Как это работает? У кого еще есть такой дар? Что она может делать?

Однако я держу язык за зубами. Приказ короля не позволит ей ответить, и я опасаясь, что мое непреодолимое любопытство и невежество каким-то образом зародят подозрение, что я самозванка.

– Как ваши раны сегодня? – спрашивает Вэнделин.

– Так же. Кажется.

Саднят и болят. Хотя они значительно зажили, с прошлой недели не было никаких заметных улучшений.

Не обращая внимания на поднос с едой, хотя желудок и урчит, я подхожу к стулу, на котором обычно сижу. Он расположен у стеклянных дверей, где, по мнению Вэнделин, лучше освещение.

– Здесь действительно жарковато, – бормочет она, ставя банку на ближайший стол.

– Если бы только двери и окна открывались. – Мой голос сочится сарказмом. Я расстегиваю пуговицы на ночной рубашке и оголяю одну сторону тела. Моя скромность, пока я рядом с Вэнделин, давно испарилась.

Легкая веселая улыбка касается ее губ.

– Возможно, ваша просьба будет удовлетворена.

– Она даже не собирается спрашивать.

– Король требует, чтобы мы сообщали о любых ваших просьбах, а Коррин не настолько глупа, чтобы скрывать что-то от него назло.

– Он хочет знать, о чем я прошу? Почему? – Чтобы испытать удовлетворение от того, что я не получу желаемого?

– Он король. И никому ничего не объясняет. Но вы и ваши планы по свержению его с трона остаются особенно важными.

Как же Зандер не хочет, чтобы я вообще задумывалась над чем-то.

– Но я уже потерпела неудачу в этом, не так ли?

Вэнделин убирает мои волосы набок и проверяет две тусклые серебряные точки на яремной вене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.